

# История любящей женщины

**Автор:**

Герман Германов

История любящей женщины

Герман Германов

Героиня романа воспитана в традиционных советских ценностях, строжайшим образом следует всем моральным нормам того времени, и мальчики никогда не были в центре ее внимания. Лучшая студентка курса, она уже имеет несколько предложений в аспирантуру, но внезапно старая жизнь ломается и начинается совсем другая. Которая в конце концов приводит ее к ситуации, когда ей приходится выбирать между абсолютным ужасом и чем-то, о чём даже страшно подумать.

Удастся ли ей, принявшей решение жить дальше, сохранить себя как личность?

Содержит нецензурную брань.

Герман Германов

История любящей женщины

Этот роман рассказывает о женщине и женской власти.

И о том, как выглядит ультимативная властительница.

Женская власть проявляется в способности покорять мужчин и осуществляется через секс. Поэтому это роман о сексе.

А поскольку характер и поведение героини не поддаются объяснению без детального описания ее секса, то это порнороман.

К читателю!

В тексте романа присутствуют шокирующие сцены, которые не могут быть удалены или смягчены, потому что составляют основу сюжетной линии. Реальная жизнь часто выходит за рамки политкорректности, а в романе, как в жизни. Читатель сам должен оценить свою готовность к негативным эмоциям и, возможно, принять решение отказаться от чтения книги.

Книга содержит нецензурную брань.

Вместо предисловия

Действие романа разворачивается в середине восьмидесятых годов, когда СССР был еще силен, и никому и в голову не могло прийти, что всего через несколько лет эта сверхдержава прекратит свое существование. Люди моложе пятидесяти уже и не помнят, какой была жизнь в то время, а она тогда в корне отличалась от нынешней. Последовавшая после распада СССР глобализация изменила все, и старая сексуальная мораль стала одной из ее первых жертв.

Современные нормы сексуального поведения радикально отличаются от старых. Сейчас секс полностью реабилитирован в общественном мнении, занятие им не вызывает никаких вопросов, но в том обществе это было не так. Сегодня приличная девушка будет польщена, если ей скажут, что она секси, а вот приличная девушка того времени, посчитала бы это оскорблением и дала бы за

это по морде, потому что думала, что ее считают шлюхой. А это было позором!

Официальная мораль, разделявшаяся большинством общества, относилась к женщинам свободного поведения точно так же, как к пьяницам. Порочны и те, и другие, но еще неизвестно, какой из пороков хуже. Мужчина, умевший быстро уболтать девушку, всегда был героем, но вот на быстро убалтываемую смотрели совершенно иными глазами. Да и вовсе не надо было быть быстро убалтываемой, чтобы попасть под подозрение. Чтобы заслужить репутацию распутницы, хватало простой активности в постели, и пусть даже количество твоих мужчин было меньше, чем пальцев на одной руке.

А уж занятие проституцией, так и вообще превосходило все пределы социального допустимого поведения. В наше время секс за деньги больше не вызывает какого-то особенного возмущения, единственный вопрос в цене. А вот в общественном мнении того времени проституция была пятном, которое невозможно было отмыть никакими деньгами. Такие женщины автоматически становились изгоями, их презирали все. Фактически, к проституткам относились точно так же, как и к бандитам: и те, и другие были представителями криминального подполья, в котором нормальному человеку делать было нечего.

Поэтому проституткам не завидовали, не подражали, и в тех, очень редких, случаях, когда нормальная женщина вдруг начинала продавать себя иностранцам, то делала она это только потому, что была готова на все, чтобы уехать на Запад или отчаянно нуждалась в деньгах. В последнем случае ее единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы как можно быстрее завязать, но если занятие не удавалось сохранить в тайне, то приходилось переезжать куда-нибудь туда, где ее никто не знал.

Но это, конечно, не означает, что в СССР не было секса. Неоконченная фраза, сказанная на одном из первых телемостов между Советским Союзом и США, породила абсурдный миф, в который многие склонны сегодня верить, хотя он не имеет никакого отношения к действительности. Секса в СССР было предостаточно, просто то была другая страна, в которой действовали совершенно иные правила. Советский Союз был вообще страной двойной морали, с колоссальным разрывом между словом и делом. Поэтому, когда находилась хата, из которой свалили предки и где можно было неплохо развлечься, то скромные и стеснительные девочки внезапно переставали быть таковыми, проявляя чудеса раскованности.

Да и способы сексуального удовлетворения той поры не сильно отличались от нынешних, разве что тогда ими не бравировали, стараясь сохранить произошедшее в тайне.

Что касается интереса к сексу, то, очевидно, что сексуальное напряжение среди мужчин того общества было намного выше, чем у современных мужчин, в то время как среди тех женщин этот показатель был значительно ниже. Это сегодня женщины нередко интересуются сексом больше, чем мужчины, тогда же все было с точностью до наоборот.

Было несколько фундаментальных причин, почему старая сексуальная мораль была именно такой.

Главным фактором, конечно же, было общественное устройство, при котором деньгам отводилась второстепенная роль, но зато книжки читали если не все, то по крайней мере абсолютное большинство населения. В книжках рассказывалось про высокие чувства, наивысшим из которых была любовь, и именно она определяла поведение девочек.

Конечно, различные девушки имели различное представление о любви. Одни считали, что мужчина, который ее любит, может доказать это только одним-единственным образом – женившись на ней. Другие, может, не были так категоричны, но считали, что девственность надо сохранять до свадьбы. Третьи не ставили знака равенства между мужем и объектом любви, но тоже стремились именно к любви и потому не были готовы на простой секс.

Вопрос замужества был исключительно важен, потому что потаскух замуж не брали, а семья рассматривалась как самая главная ценность. До замужества полагалось вести себя скромно. Совсем другое дело, если брак не состоялся, и женщина разводилась. Никто не будет вступать в платонические отношения с разведенкой, поэтому в этом случае путь от знакомства до кровати был намного короче.

К этому надо добавить еще три важных обстоятельства.

Первое состояло в том, что противозачаточные таблетки появились только в середине восьмидесятых, а до того предохранение от беременности было очень непростым процессом.

Вторым был недостаток мест, в которых можно было заняться сексом. Квартиры имели только избранные представители молодежи. Меньшинство имело свои комнаты в квартирах с родителями, а большинство не имело и этого. Приличной девушке и в голову не приходило привести кого-то к себе, даже если у нее и была отдельная комната, а многие из них стеснялись открыто приходить в дом к парню, потому что боялись, что его родня будет плохо о ней думать. Значит оставались чердаки, подвалы, парки и пригородные леса, что далеко не всех устраивало.

И, наконец, в то время не было ни тотальной сексуализации общества, ни интернета с его вездесущей порнографией. Свои знания о сексе девушка получала из того, чему ее обучили мужчины и того, что ей рассказали подружки, но подружкам, особенно когда они рассказывали нечто выходящее за пределы собственных ощущений, женщины часто не верили. Результатом этого было то, что, прослушав небезынтересный рассказ о кайфе, который подружка испытала в постели, девушка смотрела ей вслед и говорила про себя: «Да, будь я на твоём месте, рассказывала бы то же самое».

Но были, конечно, примеры и совершенно иного поведения, как у вырвавшихся из дома жительниц маленьких российских городов, в которых большинство мужчин ничем кроме выпивки не интересовались или обитательниц города невест Иваново, не способных найти партнера в своём городе. Тогда все происходило в полном соответствии с известным анекдотом.

Ночь, звонок в женское общежитие. Звонящий: «Извините, ради бога, за поздний звонок. А Зою можно?». Раздраженный женский голос на том конце: «У нас всех можно».

Нравы, однако, менялись, и к середине восьмидесятых они стали более свободными, чем за пятнадцать лет до того. В некоторой степени это происходило под влиянием сексуальной революции на Западе, но главной причиной был брежневский застой. В то время общественное развитие практически прекратилось, было очень сложно сделать даже маленькую карьеру, а легально заработать приличные деньги можно было только, выполняя тяжёлую физическую работу, как разгрузка вагонов или строительство в северных районах СССР. В результате поиск развлечений превратился в главное занятие, а небезынтересное общение с противоположным полом оказалось его неотъемлемой частью.

Героиня романа живет в совершенно ином мире, она воспитана в традиционных советских ценностях, строжайшим образом следует всем моральным нормам того времени, и мальчики никогда не были в центре ее внимания. Но потом жизнь складывается так, что она должна выбирать между абсолютным ужасом и чем-то, о чем даже страшно подумать. Удастся ли ей, принявшей решение жить дальше, сохранить себя как личность?

«Ты написал собачью чушь!» – возмущенно заявила жена.

Я, как всегда, не спорю. В этом попросту нет смысла, потому что в конечном счете она практически всегда оказывается права. Но просто хочу внести некоторое дополнение.

Собачья чушь – это вам не какая-то там обычная чушь, ее создание требует предельной концентрации, иначе ошибки в процессе приготовления неминуемо сведут всю затею на нет. В общем так: берем чушь моральную, режем на мелкие кусочки, потом понемногу добавляем строго отмеренные порции хорошо перетертой сексуальной чуши, постоянно наблюдая за общим состоянием варева. Когда будет готово, в центр ставим собаку – чушь-то собачья. А какая собака без приличной кошки?

И если все делать правильно, плюс некоторое количество везенья, то тогда получится что-то вроде такого вот произведения.

В жизни бывает разное. Особенно в жизни тех, кто умеет добиваться своего, не теряя себя.

Чтобы этого достичь, они должны быть способны выдерживать то, что ломает других.

Глава 1. До

Себя она помнила с младенческого возраста.

Вот как на этой фотографии под стеклом папиного письменного стола: они стоят на аллее в парке. Папа и мама держат ее за руки, а напротив присел на корточки дядя Юра с большим фотоаппаратом. Потом папа подтолкнул ее, чтобы она шла к дяде Юре. А она не хотела никуда идти. Она хотела стоять тут!

Но папа подтолкнул ее сильнее, и она пошла, пошатываясь на еще нетвердых ногах, и плача от возмущения, потому что папа больше не держал ее за руку. Там, на фотографии, ей только что исполнился год и один месяц, но тогда она этого еще не знала. Все, что она знала, было то, что ее бросил ее любимый папа. Бросил в первый раз!

В ясли Таня и ее на два года старший брат Паша не ходили. Все свое время они проводили с бабушкой Галей. Дедушки к тому времени уже давно не было, он умер за десять лет до их рождения, незадолго до смерти успев получить громадную пятикомнатную квартиру, в которой они сейчас жили. Своего первенца родители называли в его честь, а сама Таня получила имя в честь бабушки по матери, как и дедушка Павел, скончавшейся еще до рождения своих внуков.

Бабушка Галя происходила из благородной семьи. Ее отец был обедневшим дворянином, мать – дочерью богатого купца. Во время революции отец погиб, а потерявшая все свое имущество мать тяжело работала всю оставшуюся жизнь, чтобы вырастить единственную дочь и дать ей хорошее образование. Дочь окончила английскую школу, затем консерваторию по классу фортепиано и устроилась на работу в клуб завода имени Сталина. Именно там она однажды встретила молодого перспективного инженера Павла Киселева, за которого три месяца спустя вышла замуж. На этом ее рабочая биография закончилась.

Муж хорошо зарабатывал, а она сидела дома и воспитывала троих детей. Во время войны они эвакуировались в Ульяновск вместе с заводом, а после войны вернулись назад. Жили тогда очень тесно, в старой двухкомнатной квартире без удобств, но затем муж получил повышение, заняв пост заместителя главного инженера ЗИСа, и в 1955 им наконец-то дали долгожданную квартиру. Квартира на тихой улице, недалеко от Ленинского проспекта, была огромная – целых пять комнат.

В то время у них была большая семья, включавшая кроме нее, мужа и троих детей, еще и его родителей. Через год после получения квартиры Павел Киселев

скоропостижно скончался от обширного инфаркта. “Сгорел на работе”, – как она потом обычно говорила по этому поводу.

Старший из сыновей, Владимир, пережил отца всего на пять лет. В 1961 он поехал работать на север, где спустя полгода сильно простудился и умер от воспаления легких. Родители мужа, убитые смертью единственного сына, умерли еще раньше, а ее единственная дочь Катя вышла замуж и уехала к мужу, в город русских революций.

Так они и жили вдвоем, с младшим Виктором, пока он не привел домой свою юную жену. Женился Виктор вскоре после начала своей профессиональной деятельности. После окончания с отличием института иностранных языков его оставили на кафедре английского языка, на должности старшего лаборанта, а поступившая на первый курс Лена оказалась в первой же группе студентов, для которых он проводил семинары. Через год они были уже женаты, и Лена ждала своего первенца.

Бабушка Галя была центром Таниного и Пашиного мира. Полдня она гуляла с ними, обычно на детской площадке в садике напротив, где внуки неустанно катались на качелях и каруселях, спускались с горок, строили песчаные города и прокладывали песчаные русла рек, вода в которые обычно приносилась в ведерках из соседней лужи.

Бабушка научила Пашу читать, когда ему исполнилось четыре года, а в пять он уже сам читал сказки своей сестричке. Которая управилась еще на год раньше, прочтя свою первую сказку от начала до конца в свой четвертый день рождения.

Впервые Таня обратила на себя внимание в детском саду, во время подготовки к октябрьскому празднику. По правилам дети должны были подготовить выступление. Обычно воспитатели выстраивали детей в ряд, где они по очереди читали маленькое стихотворение или отдельные куплеты из большого стихотворения.

Таня должна была читать четыре строчки из длинного стихотворения, которое воспитательница дала маме, забиравшей детей из детского сада. Когда мама предложила ей выучить куплет, Таня в ответ прочла его наизусть. А чтобы показать маме, какая она молодец, прочла затем и все те четверостишия, которые должны были учить другие дети. Во время генеральной репетиции,

когда кто-нибудь из детей забывал свой стишок, воспитательница смотрела на Таню, и та в ответ читала первую строчку из чужого задания. Если это не помогало ребенку вспомнить забытый стих, тогда она читала вторую строчку и так далее.

Позже бабушка регулярно обучала ее игре на фортепиано и заставляла читать детские книжки на английском языке. А когда поступивший в первый класс Паша делал свои задания по арифметике, она сидела рядом и решала примеры и задачи вместе с ним. Поэтому, когда в старшей группе детского сада детей начали обучать считать до десяти на английском, Таня не только показала, что может считать до ста и больше. Нет! – Кроме того она еще вела весь диалог с воспитательницей на языке Шекспира, в результате чего взрослая женщина потерпела полное поражение в соревновании на знание иностранного языка и, в конце концов, была вынуждена перейти на русский.

В шесть лет Таня пошла в музыкальную школу, а к первому классу уже прилично читала на русском и английском, знала немного немецких слов и арифметику за первый и второй класс.

Понимая, что ей нечего делать в первом классе, родители предприняли массированную атаку на директора школы, который после долгих уговоров, согласился принять ее во второй класс, где она сразу же стала круглой отличницей. Большинство домашних заданий Таня делала в школе, а некоторые даже успевала закончить по ходу урока.

Свои школьные успехи Таня никогда не выпячивала перед другими. Однажды бабушка сказала ей, что бог был к ней милостив, дав ей способности, которых нет у других, но, что она никогда не должна хвастаться этим перед теми, к кому бог не был настолько милостив. А если она будет хвастаться, то бог ее однажды накажет и все заберет назад. – Таня никогда не забывала бабушкиных слов.

В третьем классе их повели на ВДНХ, в планетарий, и она влюбилась в астрономию. Конечно же, это был чисто теоретический интерес, дома телескопа не было, а в астрономический кружок при планетарии она не попадала, потому что туда брали только старшеклассников. Но, перечитав все доступные книги на тему, она однажды даже попыталась сама построить любительский телескоп по инструкциям из журнала «Знание – сила». И хотя телескоп надежд не оправдал, это не убавило ее интереса к теме.

В пятом классе Таня выбрала немецкий язык, потому как английский к тому времени уже хорошо знала. Дома с папой они общалась только на английском, а кроме того успела прочесть множество американских и английских книг, которые привозил папа из частых зарубежных командировок. И по-немецки она к тому времени уже тоже читала. Да и как могло быть иначе? Мать – учительница немецкого языка, а дочь „keine Ahnung’’? – Для Тани такое было немыслимо.

В шестом классе их школу расширили. Из трех переполненных старых классов теперь стало четыре, в каждом по 27 человек, а в новый класс «Г» были собраны дети из всех старых классов. Вполне естественно, что классные руководители стремились отдать в новый класс детей похуже, но ведь им нужен был и позитивный пример. А посему, несмотря на родительские возражения, в класс перевели нескольких отличников, в числе которых оказалась и Таня.

Шестой «Г» получился очень пестрый и недружный, с одной стороны несколько хороших и послушных детей, с другой двоечники и откровенные хулиганы. Как водится, хулиганы были большие и сильные, а приличные – маленькие и слабые.

Сначала хулиганы просто задирали всех тех, кого они считали чересчур уж приличными, а затем начали отбирать у слабых все, что им хотелось. Девочек они не трогали, но помешанная на справедливости Таня не была согласна с таким положением вещей. Однажды, когда самый большой и агрессивный из хулиганов, забирал очередные 30 копеек у одного из самых слабых мальчиков, она подошла к нему и потребовала, чтобы тот немедленно отстал от мальчика и отдал назад его деньги.

Большой ее просто оттолкнул, что было достаточно для того, чтобы она отлетела на два метра и больно стукнулась о стену. – Ее это только раззадорило!

Подскочив к большому хулигану, она чувствительно стукнула его острым кулачком под ребро. Именно так, как научил ее Паша. Разъярённый громила повернулся и двумя ударами, правым в челюсть и левым в солнечное сплетение, отправил ее в нокдаун.

Тане понадобилось время, чтобы прийти в себя и подняться. У нее сбилось дыхание и болела челюсть. Она долго стояла, собираясь с мыслями, а хулиган

тем временем успел получить все карманные деньги и ловил остаток кайфа, мучая свою беспомощную жертву. Ей это было на руку, она должна была вспомнить все уроки брата и определить, что и как делать дальше.

Собравшись с силами и все рассчитав, она спокойно подошла к громиле, который стоял к ней спиной, и изо всех сил ударила его прямо в зад носком своей острой туфли. Схватившийся за попу громил взвыл в полусогнутом состоянии, а Таня получила достаточно времени, чтобы подготовиться к следующему удару. В этот раз тем же носком она врезала ему по кости левой ноги. От неожиданности и новой сильной боли большой мальчик свалился на пол и начал кататься по полу, держась за ногу. После чего она начала бить его ногами, а затем пустила в ход зубы и ногти.

Через минуту большой мальчик уже потерял всякую способность к сопротивлению: свернувшись в клубок, он громко плакал, прикрывая голову и плечи от ее ногтей и зубов, а закончившая наказание Таня неторопливо встала и объяснила всем присутствующим в классе, показывая при этом на свою поверженную жертву, что так будет со всеми, кто еще раз захочет поиздеваться над слабыми.

Желающих связываться с придурочной идиоткой больше не нашлось!

Был большой скандал. Классная руководительница тут же отстранила ее от уроков, потребовав, чтобы она пришла с родителями. Когда на следующий день Таня пришла с мамой, их сразу же проводили к директору, который объяснил им, что конечно он все понимает, но если она сделает такое еще один раз, то ему, несмотря на все выдающиеся результаты, придется отчислить ее из школы. Потому что она нанесла очень серьезные увечья бедному Сереже Григорьеву, после вчерашнего у мальчика случилась настоящая истерика, так что ему пришлось делать успокаивающие уколы.

Сережа в их классе больше не появился. Его вернули, в его старый Б класс на другом этаже. За все дальнейшее время учебы, Таня встречала его только несколько раз, хотя они учились совсем рядом. Ничего удивительного в этом не было, потому как завидев ее вдалеке, он сразу же менял направление движения так, чтобы они не встретились. А вот она никогда по сторонам не оглядывалась. Ведь у нее на это попросту не было времени, потому что она всегда была чем-то занята.

Этот случай произвел большое впечатление на всех хулиганов, в результате чего классовая вражда в шестом «Г», сменилась недружественным перемирием. Чтобы закрепить эффект и сделать из временного перемирия полноценный мир, Таня предложила организовать помощь отстающим. Идея была в том, чтобы каждый, кто учился плохо, получил своего куратора из лучших.

К концу шестого класса проблемы между хулиганами и отличниками уже остались в прошлом, а по некоторым предметам их класс даже оказался лучшим среди всех шестых классов. Пусть даже этими предметами были физкультура и труд.

Бабушка Галя умерла во время каникул. Это была колоссальная утрата, именно она научила Таню читать и писать на русском и английском и играть на фортепиано. Именно она дала ей первые уроки хорошего поведения и научила говорить правду. Особенно запомнилось Тане наказание за вранье.

Тогда она училась в третьем классе. Ей надо было прочесть какой-то текст из скучной книжки на английском языке и пересказать его содержание на русском. По их договору она должна была читать (находя незнакомые слова в словаре) и пересказывать три текста в неделю. Сначала бабушка ее проверяла, потом перестала, потому как внучка всегда добросовестно выполняла все договоренности.

Но случилось так, что несколько дней подряд по телевизору показывали интересные мультфильмы и время, которое она должна была потратить на чтение и перевод, ушло на телевизор. Заподозрив неладное, баба Галя попросила Таню пересказать текст, что она, естественно, сделать не смогла. Результатом оказалось удвоение объемов читаемого текста, но мало того, теперь каждый текст она должна была читать вслух, а затем пересказывать его на английском. Каторга продолжалась месяц, после чего бабушка ее помиловала, и они вернулись к старой системе.

Урок пошел впрок. Вранье оказалась не просто некрасивым, а куда хуже – оно было страшно неэффективным. Особенно, если учесть число детских передач, которые ей пришлось пропустить из-за чтения и пересказа противных текстов удвоенного размера. На бабушкиных похоронах, Таня пообещала, что она всегда будет честной и справедливой и никогда никого не будет обманывать, потому

что именно такой хотела ее видеть ее любимая баба Галя.

К концу седьмого класса мама родила еще одного мальчика, которого в честь маминого отца назвали Володей. С младенцем было очень много возни, и у Тани совсем не стало свободного времени. Спасало только то, что музыкальную школу она уже окончила и у нее освободилось несколько часов в день, которые можно было посвятить заботам о маленьком братике.

Когда в восьмом классе подружки начали проявлять интерес к мальчикам, Тане было не до того, на это у нее совершенно не было времени. Не говоря уже о том, что она в принципе не так уж сильно интересовалась мнением подружек, за глаза называвших ее профессоршей.

– А вот, – говорили подруги, кивая головой в ее направлении, – и профессорша заявила. Своей собственной персоной.

Когда Таня первый раз узнала об этой кличке, она почувствовала себя оскорблённой. В ее представлении профессоршей была жена папиного друга Ивана Николаевича. Знавший шесть иностранных языков Иван Николаевич был профессором МГУ, а его молодая жена знала только русский. Умом Маргарита Валериановна явно не задалась, была невоспитанной наглой нахалкой, и Таня ее на дух не переносила. Но, судя по отзывам мужчин, она была красавицей, и все завидовали профессору, соблазнившему самую красивую студентку курса.

Впрочем, горевала Таня недолго: „Расстраиваться из-за какой-то клички?! Еще чего! “

В конце концов быть профессоршей оказалось приятно. Если она профессорша, то все они ее студентки. А значит ни у кого не могло быть сомнений, кто и кому здесь должен давать уроки!

Отстающим Таня помогала всегда. После восьмого класса многие из тех, кто плохо учился, ушли в училища и техникумы, но вновь пришедшие оказались не лучше, поэтому ее попросили оказать помощь сразу четырем отстающим ученикам.

Она сидела в классе и делала свое домашнее задание. Закончив его, вставала из-за стола, шла к первому отстающему и объясняла ему, что он делал не так по химии. После чего объясняла геометрию второму, занималась английским с третьим, заключая занятия помощью четвертому по физике. За такие сеансы одновременной помощи по разным предметам ее прозвали шахматисткой.

Ей это льстило, но все было честно заслужено. В то время, как большинство учеников не читало по предметам ничего кроме школьных учебников, Таня к концу девятого класса уже успела прочесть два из трех томов по физике под редакцией академика Г.С. Ландсберга, с которыми справлялся мало кто из школьников, и решить пару сотен самых сложных примеров и задач из учебника для подготовки в вузы Сканави.

Сама же она считала себя гроссмейстером. – Ну, хорошо, пусть не настоящим гроссмейстером, а таким игрушечным. – Как говорил в свое время Юлий Цезарь: «Лучше быть первым в галльской деревушке, чем последним в Риме». – Ее деревушка была, здесь, в школе. И она была первой!

Когда Таня пошла в девятый класс, соседка по этажу развелась с мужем. Развод не был добровольным. Просто однажды муж сообщил только что пришедшей с работы Люде, что он уходит к другой, после чего, неторопливо сложив свои вещи, вызвал такси и уехал к новой пассии. К его чести квартиру и все вещи в квартире он оставил Люде, но ее это утешило мало. Она начала пить, а напившись, избивала детей, девочку и мальчика, 10 и 12 лет. Однажды, услышав крики детей, Таня начала звонить ей в дверь. Дверь открыла напуганная девочка, ребенок явно боялся мамы, и бросился к Тане, как только та зашла в квартиру.

Таня устроила соседке большой скандал: “Если ты так хочешь выпить, – заявила она, – то сначала отведи детей к нам, а потом пей пока не лопнешь “.

На том и порешили к большому неудовольствию родителей и Паши. С тех пор Людины дети проводили большую часть дня в их квартире, и Таня никогда не отрицала своего вклада, в такое положение вещей. – У Люды было сложное положение, ей понадобилась помощь, а кто, как не соседи, должны это делать? Домашние сначала ворчали, но потом, постепенно, привыкли к соседкиным детям, их кормили, поили, с ними делали уроки, а Паша, когда был свободен,

учил их играть на фортепиано.

Второй раз соседка вышла замуж, когда Таня уже заканчивала учебу. Новый муж любил детей, поэтому Люда тут же стала играть роль идеальной матери, примерно ухаживая за детьми, на которых раньше не обращала никакого внимания. А первое, что она сделала, это категорически запретила ходить детям в Танину квартиру. Разумеется, забыв при этом сказать спасибо Тане и ее родителям, она даже перестала с ними здороваться.

Родители были страшно оскорблены, Паша плевался, как только слышал соседкино имя, но Таня своего мнения о произошедшем не изменила. – Она должна была помочь, и сделала это. Ну, а то, что та в ответ даже не сказала спасибо? Ну так не сказала! Не надо ее так строго за это судить. У нее было такое трудное положение, ее одной просто не хватало на все, вот она не смогла понять, что соседям надо было это спасибо сказать. Сама Таня на ее месте так бы, конечно, себя не повела, а вот Люда решила иначе. Ну и что тут такого особенного?

Свою первую собаку Таня нашла возле входа в детский сад. Маленькая грязная дворняжка рылась в мусоре у входа и бросалась ко всем детям. Наверное, кто-то из них ее оставил.

Увидев собаку, Таня попросила бабушку подождать, бросилась бегом назад в детский сад, нашла на кухне кусок хлеба, который затем скормила голодному псу. Неудивительно, что благодарное животное побежало за ней и, хотя бабушка Галя хотела оставить его на улице, Таня героически преодолела ее сопротивление, категорически отказавшись идти домой одна.

Удачным приобретением эта собака не была ни в коем случае. Несмотря на свои маленькие размеры, она, судя по всему, была уже вполне взрослой, во всяком случае это прямо следовало из провалов всех попыток приучить ее не справлять свои надобности в квартире. Воняли ее произведения страшно, и единственным утешением служило только то, что благодаря незначительным размерам собаки, их было мало. Попытки Тани решить проблему за счет регулярных выводов во двор успеха не дали, под деревьями можно было разве что пописать, но большая нужда справлялась исключительно под столом в гостиной. Не говоря уже о том, что Таниного желания гулять, хватило ровно на три дня.

Недели через полторы, придя домой, она не нашла собаку дома. Как объяснила бабушка, мама отдала ее своей сотруднице, у которой были родственники с домом в деревне. Таня немножко поплакала, но подумала, что собаке будет в деревне лучше, чем в грязной Москве, и успокоилась.

Через год, уже в школе, Таня нашла грязного котенка, которого привела домой. Котенок был явно болен и страшно линял. Вскоре его шерсть была по всей квартире. Через несколько дней котенка тоже не стало. Та же самая мамина сотрудница забрала его в деревню.

В следующие годы в деревню последовали еще одна бездомная кошка и две собаки. Свою последнюю собаку она нашла уже в девятом классе. В доме собака пробыла только четыре дня. В тот день у нее не было двух уроков, поэтому Таня вернулась домой раньше, чем предполагала мама. Подходя к дому, она увидела мужика в грязной телогрейке, выходящего из их подъезда, с ее Тузиком на поводке. Мужик закинул несчастного Тузика в здоровенную клетку, красовавшуюся в кузове стоявшей у подъезда полуторки, и следом запрыгнул в кузов сам. Машина сорвалась с места еще раньше, чем Таня успела подбежать.

Только тут она поняла, что представляли из себя эта таинственная мамина сотрудница и ее «деревня». Все знали, что происходило с бедными животными, которые попадали в руки собачникам, и Таня знала это тоже. Был страшный скандал, в ходе которого мама пыталась доказать дочери, что у нее не было возможности держать в доме кроме троих детей еще и домашнее животное. Причем животное, необученное к пребыванию в доме.

Ревущая взхлеб дочь отвергла все доказательства, она животных спасала, а теперь выяснилось, что все они были убиты. Для нее, устроившей однажды Паше скандал за убийство шмеля, случайно залетевшего в их квартиру, это было слишком, она плакала два часа подряд, и у нее поднялась температура. В конце концов мама дала ей двойную дозу валерьянки, которая, однако, не помогла. Успокоилась Таня только после того, как отец заставил выпить ее 100 грамм водки, после которой она заснула мертвым сном и не пошла на следующий день в школу, потому что для этого у нее попросту не было сил.

Больше животных она домой не приводила.

В шестнадцать лет Таня поступила в МВТУ, на факультет электромашин, где очень быстро стала одной из лучших студенток. В отличие от школы здесь она иногда получала четверки, но случалось это редко. И точно так же, как и в школе, она всегда была чем-то занята.

Кроме основной учебы она три раза в неделю фехтовала на шпагах и ежедневно учила читать младшего брата. С братом пришлось повозиться, мальчик был избалован и ленив, но Таня старалась из-за всех сил, тратя на него свое драгоценное время. Времени на личную жизнь совсем не оставалось. В общем-то его не было и раньше, хотя, с другой стороны, она, конечно же, не была совершенно чуждым к жизни синим чулком. Ее первой любовью стал Жан Марэ, в которого она влюбилась в 12 лет, впервые увидев его в кино. «Фантомас», «Граф Монте-Кристо», «Парижские Тайны» – эти и другие фильмы с его участием – она смотрела с колоссальным удовольствием, а некоторые даже по два раза.

Трагедии из того, что никто из окружавших ее ребят и близко не походил на ее героя, она не делала. Жизнь редко совпадает с кино. Как говорила мама, за неимением гербовой, пишем на простой. Нет, она вовсе не возражала против того, чтобы целоваться с обычными мальчиками. Первый раз это произошло еще в 9 классе с одним из одноклассников, правда, только один раз. Вслед за этим он попытался ее немножко пощупать, что автоматически привело к бесповоротному разрыву отношений.

В десятом классе она даже немножко встречалась с другим мальчиком, с ним она целовалась добрых пять раз, если не целых восемь. Мальчик был первым красавцем класса, одноклассницы сходили по нему с ума и с некоторыми из них у него были не совсем формальные отношения, хотя с ней он почему-то оказался очень скромным, по крайней мере, в первую неделю. Но затем он захотел большего, на что она ответила категорическим отказом.

Как потом ей рассказала одна из девочек, этот мальчик не всегда был таким паинькой. Просто однажды, когда они все вместе курили во дворе дома рядом со школой (там была их тайная курилка), он поспорил с этой и другими девочками на бутылку коньяка, что ему потребуется не более двух недель для превращения придурковатой отличницы в послушную кисочку. На послушных воду возят, но это явно был не Танин случай, свои способности красавчик драматически переоценил, вследствие чего был вынужден выставить участникам спора бутылку армянского коньяка, тайно уведенную из родительского бара.

На первом курсе института она вообще игнорировала все ухаживания, но в конце второго ею заинтересовался абсолютно шикарный экземпляр – атлетически сложенный каратист, учившийся в ту пору на последнем курсе. Она была наслышана о его подвигах, а кроме того он был отличником. С ней, правда, он сравняться не мог, но это было нормально, до нее вообще-то вряд ли, кто дотягивал, во всяком случае она таких еще не встречала.

Валерий был первым мужчиной, к которому она не осталась полностью равнодушной. Они познакомились на вечере, танцевали, потом целовались в парке. Ей было горячо от его поцелуев, но она должна была идти домой, иначе родители начали бы беспокоиться.

Через пару дней они встретились в институте, и он пригласил ее в кино. Там, сидя в последнем ряду полупустого зала, они опять целовались. Он взял ее за грудь, она не сопротивлялась, но потом она опять должна была идти домой.

В следующий раз он пригласил ее к себе домой, послушать новые записи какой-то популярной западной группы, и Таня вдруг поняла, что произойдет, если она туда пойдет. Поэтому она категорически отказалась, несмотря на то, что Валерий ей очень нравился. Ей только что исполнилось 18, большинство ее подруг уже давно потеряли девственность, но она была из совершенно другого теста.

Она никогда не принадлежала к большинству, даже тогда, когда голосовала вместе со всеми за единственного кандидата, на роль секретаря комсомольской организации. Конечно, она понимала, что с девственностью однажды придется расстаться, и что, возможно, она еще не успеет выйти замуж, когда это произойдет. Но это, конечно же, будет потом! Как-нибудь в другой раз! Не теперь! А теперь она боялась.

Лечь в постель с мужчиной, – это не просто так. Это страшно! Да, это просто страшно! Вот вступить в драку с громадным придурком, в два раза больше ее, – это нормально. Тут все ясно, тут она защищала слабого, который не мог сам себя защитить. А постель?

А в постели все гораздо хуже. В постели она ничего не защищает. В постели она отдает. Отдает себя, отдает другому. Она будет совершенно беззащитна, а что он потом с ней сделает?

Нет! К этому она еще не была готова. Пока еще, она способна защищать себя сама!

Таня только перешла на третий курс, когда папа пришел домой очень расстроенный.

С того момента, как он оставил преподавательскую работу в институте иностранных языков прошло уже десять лет. Теперь он работал в качестве начальника отдела переводов в большом отраслевом институте. Работа была нудная и малоинтересная, зато случались зарубежные командировки, за счет чего семья могла немного пожировать.

Главным приобретением был, конечно же, красный „Жигуль“ третьей модели. А в прошлом году папа получил участок для дачи. Участок был очень хороший, на вершине холма, стоявшем на берегу небольшой речушки. Чтобы получить именно этот участок понадобилось дать взятку: два фирменных костюма фирмы Wrangler, который папа привез из одной из командировок. Теперь они собирались строить там дом.

А еще после долгих размышлений родители, потратив все свои сбережения, купили шикарную немецкую гостиную за невероятные 5400 рублей. Мебель была очень красивая, те знакомые, которые подобных покупок себе позволить не могли, им страшно завидовали. Родители гордились своими возможностями. Их дела шли хорошо и потраченные сбережения можно было вернуть за пару лет, главным образом за счет командировок. Но теперь возникла реальная опасность эти возможности потерять.

Опасность исходила от новой сотрудницы папиного отдела, которая пришла к ним на работу месяц тому назад. Сотрудница была моложе папы лет на десять, очень высокомерна и имела диплом кандидата наук по языковедению. Взяли ее без ведома начальника отдела. Однажды, придя на работу, он был вызван к директору, который объявил ему о том, что к нему приходит еще одна сотрудница, для которой специально создавалась ставка.

Она была принята для работы с английским и немецким языками, но ее английский был весьма посредственен, а о немецком, начальник отдела не имел

ни малейшего представления. Неделю назад ей дали перевести на английский русский текст, но, когда она представила свой перевод одной из старых сотрудниц, та пришла в ужас от грубых ошибок и прибежала к Виктору Павловичу. Последний пожаловался директору на новенькую, но тот ничего слушать не хотел и приказал, чтобы другие сотрудники тихо и без шума подправили перевод.

На вопрос Таниного отца почему такие странные приказы, директор сначала не хотел отвечать, но потом по секрету признался (у них были очень хорошие отношения, и именно он переманил Виктора Киселева с его предыдущего места работы), что новенькая была женой заместителя их министра. Замминистра персонально попросил директора устроить ее на это место и в дальнейшем продвинуть на папино место. В последнем директор высокому чиновнику отказал, но это ничего не решало, поскольку через месяц директору исполнялось шестьдесят лет, и он уходил на пенсию.

Папу успокаивали всей семьей. Даже шестилетний Володя внес посильный вклад, он, правда, не знал, чем отличается директор от замминистра, но понял, что злая тетя хочет отобрать у его дорогого папочки что-то ценное, не то должность, не то отдел.

Директор сменился через два месяца, на его место пришел бывший второй секретарь их райкома партии. А еще через месяц папа поехал в командировку в Германию. Назад он ехал с подарками, одним из которых был пневматический пистолет, стрелявший теми же пулями, что и воздушные в тире. Паша заработал уже не один приз, в московских тирах, вот папа и решил сделать ему такой подарок тем более, что в Германии такой пистолет, можно было купить без специального разрешения.

В командировки папа ездил часто. Обычно прохождение таможни было для него пустой формальностью, но в этот раз его впервые обыскали и нашли из запрещенных к ввозу вещей этот пистолет и эротический журнал Praline. В результате он был задержан, весь его багаж конфискован, а на работу было прислано представление из органов государственной безопасности.

Папу потом отпустили, вернув все его вещи кроме пистолета и журнала. Но на работе новый директор, срочно собрав внеочередное партийное собрание, потребовал исключить отца из партии. Предложение было поддержано подавляющим большинством коммунистов, которые очень боялись нового

начальника с большими связями в верхах.

Воспользовавшись решением партсобраний, новый директор тут же снял отца с должности начальника отдела и назначил на его место новую сотрудницу, носившую гордое звание кандидата наук по языковедению. Как позже выяснили работники отдела, ее кандидатская диссертация была посвящена переводу на английский и немецкий нескольких работ советских специалистов по научному коммунизму.

Через неделю после исключения из партии у папы произошел инфаркт, и он на месяц попал в больницу. К счастью, инфаркт оказался микроинфарктом, а кроме того по возвращению домой его ожидала хорошая новость: райком исключение из партии не утвердил, все ограничилось строгим выговором с занесением в личное дело. Но сохранение партийного билета ничего уже не меняло, потому что пост заведующего отделом перевода был уже безвозвратно потерян. Теперь он стал простым сотрудником отдела, и возможности ездить за границу больше не было.

Вернувшись из больницы, папа начал выпивать, и с очень большим трудом жене и детям удалось уговорить его сконцентрироваться на чем-то полезном. В качестве такового было выбрано строительство дома на недавно приобретенной даче. Папа предложение принял. Теперь, после работы, он сразу ехал на дачу, где до позднего вечера занимался строительством, а в конце недели к нему присоединялся сын. Изредка там появлялась даже дочь, которая, правда, всегда искала повод, чтобы увильнуть от предоставляемой ей сомнительной чести: чем-чем, а строительством она никогда не интересовалась. Вот разработать какую-нибудь новую турбину для гидроэлектростанции, а еще лучше новую гидравлическую трубу для испытания самолетов, это да. А строительством дач пусть занимаются те, кто гидравлических труб строить не умеют.

Кроме нелюбви к строительству у дочери была также уважительная причина для отлынивания: с некоторых пор у нее появился молодой человек. Звали его Денисом, учился он в ее группе и происходил из очень солидной семьи. Все три года учебы он только смотрел на нее, но потом однажды решил подойти.

С Валерием Таня рассталась уже почти год назад, и вежливый Денис казался ей хорошей альтернативой. Два раза он приглашал ее в кино, а в третий раз предложил пойти погулять в Сокольники. Таня не возражала. От Дениса всегда пахло хорошими мужскими духами (она полагала, что французскими), и она

была вовсе не прочь с ним целоваться.

Нахальным Денис не был. Он даже стеснялся поцеловать ее первым, поэтому ей пришлось проявить инициативу, но потом все было как надо. После трех или четырех встреч он заявил ей, что у него на нее серьезные намерения. По-видимому, он полагал, что такое заявление давало ему основания в продвижении своих рук в те области соблазнительной Таниной фигуры, которые не были доступны простым целовальщикам без серьезных намерений. Но даже поражение, которое он потерпел в этом немаловажном вопросе, его не отпугнуло. Таня ему нравилась по-настоящему – она все умела, все могла, и у нее всегда было множество разных идей. Секс явно мог подождать до свадьбы. А свадьба... Не имея еще твердых планов на будущее, они договорились решить этот вопрос до конца четвертого курса. А пока учебный год только начинался.

Строительство дома продвигалось быстро и скоро, на стройматериалы были израсходованы все имевшиеся в семье запасы. Пришлось даже занять тысячу рублей у приятелей.

В пятницу, 20 сентября, отец с Пашей уехали на стройку. Позже к ним присоединилась мама с Володей, которые, в отличие от мужчин должны были уехать вечером назад. Но сначала туда надо было доехать, поэтому мама предложила своей коллеге Люсе, у которой была машина, чтобы та поехала с ними.

Энергичная и некрасивая, Люся поздно вышла замуж. В Москву ее перевез муж, который был старше ее на двадцать лет и которому она родила единственного, теперь уже шестилетнего, Кирилла. Муж умер от рака два года тому назад, и теперь она жила вместе с сыном в двух комнатах его квартиры, а остальные две комнаты занимала старшая сестра мужа с ребенком и свои мужем. Друг друга обе семьи не выносили, сестра считала, что Люся и ее ребенок украли ее жилплощадь.

На дачу Таня не поехала. У нее было множество дел: вскоре должны были состояться соревнования по фехтованию, в которых она надеялась получить долгожданный первый разряд, а кроме того надо было подготовиться к семинару по ядерной физике. Мать должна была вернуться часам к десяти, но что-то задерживалась. Не дождавшись матери, она легла спать в одиннадцать.

## Глава 2. После

Когда раздался телефонный звонок, Таня давно спала.

Мужской голос в трубке поинтересовался, действительно ли это квартира Киселева Виктора Павловича. – Да, – спросонья, ответила она. – А что собственно...-

Договорить она не успела.

– Виктор Павлович погиб, – безучастно продолжал голос, – а с ним погибли оба его сына. Его жена доставлена в нашу больницу с большими ожогами и переломами.

У нее перехватило горло, и она чуть не упала в обморок. Понимая, что имеет дело с близким родственником, говоривший предложил ей не тратить сейчас время на поездку в морг в подмосковном селе, а сразу поехать к матери в больницу Склифосовского.

Как она доехала до больницы, Таня не помнила. Ее провели к лежавшей без сознания матери, у которой, об этом сообщил ей присутствовавший в палате врач, были сильные ожоги, порезы тела и множественные переломы обеих ног.

По рассказу очевидцев на даче вдруг начался пожар, буквально за минуту охвативший не только все строение, но также два стоявших во дворе автомобиля и соседнюю дачу. Спаслась только ее мать, которая, хотя и сильно обожженная, смогла выпрыгнуть в окно, предварительно схватив одного из детей. Застекленное окно выходило к обрыву над рекой, проламываясь через стекло, она сильно порезалась, а при падении с обрыва поломала себе обе ноги, но ребенок не пострадал. Но это, очевидно, не ее ребенок – мальчик сказал, что его маму зовут Люся.

Поняв, что мама спасла Кирилла, Таня попросила, чтобы ее провели к нему. Кирилла она хорошо знала, он был очень развитым и хорошо воспитанным мальчиком, намного менее избалованным, чем ее младший брат.

Как только она вошла в палату, Кирилл сразу бросился к ней и тут же потребовал, чтобы она немедленно увела его отсюда. Он был уже взрослым и понимал, что его мама погибла, он видел, как на нее обвалилась горевшая крыша, и Таня было единственное, что у него еще оставалось. Она не сомневалась ни секунды. У нее вообще больше не осталось мужчин, все три погибли за одну минуту, осталась только мама, если конечно она сможет пережить повреждения. Так пусть будет хоть Кирилл. Она никому его не отдаст!

К ее удивлению сотрудники не возражали. Они хотели побыстрее избавиться от здорового ребенка, которого не знали куда деть. Они только попросили, написать расписку, и вскоре она, вместе с Кириллом, ехала на такси к себе домой.

Следующая неделя осталась в памяти отдельными кусками: она куда-то ездила, что-то смотрела, с кем-то разговаривала. Трупов близких ей не показывали, они сгорели до такого состояния, что их пришлось хоронить в закрытых гробах. Как рассказал патологоанатом не было даже уверенности, кому принадлежали те, или иные, останки.

Денег в доме не было даже на похороны, и ей срочно пришлось продать немецкую гостиную. Менее, чем за полцены, всего за 2500 рублей, ее купил один из соседей. Но денег все равно не хватало.

В первый же день к ней явились соседи по даче и потребовали три тысячи рублей за их сгоревший дом. В действительности, дом, на деле являвшийся полуразваленным сараем, вряд ли стоил более пятисот рублей, но соседи угрожали серьезными неприятностями, а кроме того сейчас ей было не до них. Поэтому она подписала заверенную нотариусом расписку, обязуясь вернуть деньги в течение года.

На похороны и поминки ушло две тысячи, так что, учитывая деньги, вырученные за мебель плюс тысячу собранную сотрудниками отца, у нее оставалось еще целых 1500 рублей.

Мама пришла в себя на второй день. Еще через пару дней она уже могла вспомнить произошедшее и восстановить всю картину. Все произошло, когда начало темнеть. Они сначала были на улице, а когда зашли в почти построенный

дом, там было совсем темно.

Фонарик из-за севших батареек включить не удалось, поэтому пришлось на ощупь искать находившиеся на полках свечи. Во время поисков опрокинули бутылку, содержимое разлилось по полу. Паша еще сказал, что в бутылке должна быть вода. Потом он нашел свечку, зажег ее и чисто автоматически кинул вниз еще горевшую спичку. Вспыхнуло моментально, и мама еще успела увидеть в отблеске пламени разлитую бутылку. Эта была не вода, а медицинский спирт, который ее муж тайком употреблял на даче. Больше ни на что времени не хватило, потому что следом начала гореть бумага под столом, а затем и сам стол, сделанный из хорошо просушенных досок. Еще в комнате была большая банка ацетона, а около стены дома стояла цистерна бензина.

Они бы, может быть, еще и спаслись, если бы сразу бросились к выходу, но вместо этого все наперегонки побежали к стоящим в углу ведрам, в которых обычно держали воду. Ведра оказались пустыми, но этих двадцати секунд хватило, чтобы кто-то из них опрокинул ацетон, и через мгновение полыхало уже все. Вся комната была в дыму, у мамы только хватило времени, чтобы, схватив первого попавшегося ребенка, броситься к окну. Стекло она пробила своим телом, в результате чего сильно поранилась об острые осколки.

Когда на четвертый день Таня пришла к маме, врач отвел ее в сторону и объяснил положение дел. Мамины ожоги, несмотря на их количество, можно было вылечить, но медикамент, позволяющий заживить ожоги без больших шрамов, в СССР не выпускается. Его, однако, можно заказать в одной аптеке, прямо тут в Москве. Проблема только в том, что аптека находилась в немецком посольстве, и лекарство обойдется ей в 1000 рублей.

Но главное, это конечно же, переломанные ноги. Если оставить их в гипсе, все кости неправильно срастутся, и она не сможет больше ходить. Единственным спасением является клиника Елизарова в Кургане. С его системой кости срастаются правильно, но проблема в том, что очередь у него на год вперед, если не на два. А через год спасать будет уже нечего, переломов слишком много, чтобы потом можно было бы восстановить функцию ног.

Существует, однако, возможность попасть к Елизарову немедленно, минуя все очереди, но способ этот очень дорогой. Сам Елизаров – абсолютно честный человек, взятки он никогда не брал и не берет, а в клинике контролирует всё и всех. К счастью, имеются определенные обходные пути, но стоит это очень

дорого. Люди, способные организовать оперативное помещение в клинику, требуют за эту услугу четыре тысячи рублей.

Таня была в абсолютном шоке после этого разговора. У нее оставалось 1500 рублей, но это было все. Никаких других доходов кроме 120 рублей маминых больничных и ее собственной повышенной стипендии в 40 рублей у нее не было, а ведь еще надо было на что-то жить. Но и двух мнений по поводу маминого лечения быть не могло.

Будь у нее другая мама, она, может быть, и смогла жить с покалеченными ногами, но эту она, действительно, рисковала потерять, если немедленно не устроит ее к Елизарову. Весь вчерашний день мама кричала, что не хочет так дальше жить и желает покончить с собой, а днем даже пыталась порезать себе вены скальпелем, который во время смены бинтов неосторожно оставили на тумбочке, рядом с ее кроватью. Таня пришла через полчаса после этого происшествия и до вечера сидела рядом, пытаясь маму успокоить, но та свою дочь слушать не желала. Сейчас она спала под действием сильного снотворного, но Таня не сомневалась в том, что все продолжится опять, как только она проснется.

Как ни ужасно это было, но мама смогла бы еще пережить потерю своего любимого мужчины и двух детей, однако в данном случае все было куда хуже, потому что без полноценного восстановления ее ног, тела и лица ей грозила потеря самой себя, причем в самом прямом смысле этого слова. Проблема, а теперь это, действительно, вдруг стало проблемой была мамина внешность. Первая красавица в школе и в институте, она была знаменита своей грациозной осанкой и именно поэтому на нее обратил внимание симпатичный лаборант, сам, в свою очередь, пользовавшийся большим успехом у женского пола. Но досталась она ему не сразу, а только в результате жесткой конкурентной борьбы с одним из преподавателей.

Мама страшно гордилась своими физическими данными, будучи уже на пороге сорокалетия и родив трех детей, она все еще оставалась очень красивой женщиной, весившей лишь на четыре килограмма больше, чем в момент замужества. А сейчас она заявила Тане, что в таком виде жить не хочет и не будет, но она спокойна, поскольку ее дочь, осталась, к счастью, живой и здоровой, и при взгляде на нее, каждый поймет, как выглядела Леночка Федорова в свои лучшие годы.

– Только, – добавила мама, – ты должна пообещать мне, что ты будешь заботиться о себе и не выглядеть лахудрой.

Может быть, для ныне покойных папы, братьев и бабушки это выглядело иначе, но в маминых глазах внешние данные ее единственной дочери были намного важнее ее школьных и институтских успехов. Карьеру она всегда считала мужским делом, а женщина, по ее мнению, должна была в первую очередь заботиться о семье. Ее дочь, правда, этого все еще не поняла, но это был просто вопрос времени, ей будет достаточно только выйти замуж и родить, как она тут же забудет все эти глупости.

К сожалению, дочь, совершенно не уступавшая ей по внешним данным, а по некоторым даже превосходившая, все никак не могла созреть для осознания жизненных реалий. Постоянно ссылаясь на те или иные дела, она категорически не желала уделять внимание противоположному полу, нахально смеясь в ответ на мамино предложение, тратить больше времени перед зеркалом, потому что в таком неухоженном виде неприлично идти на люди. Невежливо добавляя, что если бы она шла на панель, то, конечно же, последовала бы ее совету, но она идет в библиотеку, а там сойдет и так.

Не говоря уже о провале давней идеи, одеть дочь у хорошего портного. Идея так и осталась нереализованной, поскольку для этого ей пришлось бы ездить на примерки в противоположный конец Москвы, а свободного времени для таких поездок у дочери не было.

Но сейчас необходимо было считаться с мамиными представлениями, совершенно независимо от того, разделяла их Таня или нет. Иного выхода не оставалось, все что она могла сделать сейчас, это срочно занять недостающие три с половиной тысячи, а потом пойти зарабатывать деньги. Откуда прямо следовало, что учебу придется отложить хотя бы на год. Это было страшно обидно, до окончания института оставалось только два года, и у нее было уже два предложения для поступления в аспирантуру от преподававших на ее курсе профессоров.

Вечером, немного успокоившись, она пришла к выводу, что ничего страшного в таком перерыве нет. В конце концов, в сравнении с ребятами, у нее и так было преимущество: тем надо было в армию минимум на год, а особо невезучим – на все два. Конечно, некоторые армии разными способами избегали, но таких Таня презирала, не без основания считая их обманщиками. А вот она никогда не была

обманщицей и этим страшно гордилась. Ну что же, пусть даже с годичным перерывом, у нее все равно остается целый год преимущества, по сравнению с ее соучениками мужского пола, ведь она была на год моложе всех остальных студентов в ее группе.

Занять деньги оказалось проще, чем она полагала. У папы было множество знакомых. У одного из них она без длинных разговоров смогла занять целых три тысячи, другой дал еще тысячу, хотя она просила только пятьсот. Деньги врачам она отнесла уже на следующий день. Насчет того, как их придется отдавать, Таня особенно не задумывалась – зарабатывать она умела всегда, в том числе и на репетиторстве, но сейчас предпочитала переводы.

Дорогу в бюро переводов, она проложила еще в десятом классе, когда ей захотелось купить самую последнюю модель фирменных, обтягивающих фигуру, джинсов. Такие уже были у двух девчонок в их классе, и она решила тогда не отстать от других, можно сказать, в порядке исключения. Конечно, можно было попросить деньги у родителей, и они бы с радостью их дали, но папа недавно привез ей из командировки другие джинсы, и ей было неудобно просить у него денег на еще одну пару. Поэтому она решила не затруднять родителей, и заработала деньги сама, для чего ей понадобилась всего одна неделя. Потом она еще пару раз там прирабатывала, когда ей нужны были деньги.

В бюро переводов Таня отправилась сразу же после того, как передала деньги врачам. Знакомая сотрудница встретила ее приветливо и сразу предложила ей перевод с английского на русский, на много сотен страниц. Текст был легкий, первой категории сложности. Для начала сотрудница вручила ей тридцать страниц, которые при оплате по первой категории сложности, составлявшей один рубль, пятьдесят копеек за страницу, приносили ей в общей сложности 45 рублей. Закончив оформление заказа, сотрудница вдруг сделала неожиданное предложение.

– Знаешь, девочка, давай я тут напишу вторую категорию сложности, а разницу мы поделим пополам. Ты получишь по два рубля за страницу, а пятьдесят копеек будут моими.

Таня была в ужасе. Она никогда никого не обманывала и впредь не будет этого делать. Именно потому, что все всех обманывают, в стране столько проблем. На

такое она никогда не пойдет. Сотрудница возражать не стала, вздохнув, она проставила в нужной графе правильную цену и дала ей подписать бланк заказа.

С работой она справилась за два дня и утром, в десять часов утра, уже была в бюро переводов. Сотрудница, встретившая ее без обычной улыбки, проверила переведенный текст и выдала причитающиеся 45 рублей. Но когда Таня попросила следующую порцию, то совершенно неожиданно получила отказ. Как выяснилось, заказчик этот заказ совершенно неожиданно из бюро забрал и дальше будет переводить его своими силами. К сожалению, других подходящих заказов в бюро сейчас нет, но, конечно, если у нее есть такое желание, то она может зайти в бюро еще раз, через месяц-другой.

Это был удар ниже пояса!

Выйдя из себя, Таня возмущенно заявила, что в переводах ей отказано, только потому что она не согласилась на сделку. В ответ на что, сотрудница предложила ей покинуть комнату до тех пор, пока она не посчитает до трех и если Таня будет в комнате, когда сотрудница скажет три, то будет вызвана милиция, которая арестует ее по обвинению в даче взятки. Поняв, что ничем хорошим эта беседа не закончится, Таня покинула бюро, напоследок сильно хлопнув дверью.

Потеря переводов оказался тяжелым ударом, но ведь было еще и репетиторство, в котором у нее был бесспорный авторитет. В школе она помогала всем желающим бесплатно. После окончания школы ей было много предложений, от которых она всегда отказывалась, хотя там замечательно платили, 2.50 за академический час, длившийся 45 минут. Обычное занятие включало два академических часа и приносило пять рублей.

В своей школе Таня была уже через два часа после неудачного посещения бюро переводов. Встретили ее очень приветливо и с большим сочувствием. О трагедии в ее семье здесь стало известно уже через несколько дней, и на перемене к ней выстроилась целая очередь из учителей, желавших выразить ей свои соболезнования. Ее желание заняться репетиторством было поддержано всеми, несмотря на то, что время для этого было не совсем удачное, в репетиторах обычно нуждаются весной, для подготовки к экзаменам в школе, и летом, перед поступлением в институт. Но все же в следующие два дня у нее уже имелось

несколько предложений о помощи отстающим по физике, математике и английскому. Одно предложение было сразу для двух учеников, разнополых близнецов десятого класса. Бросив все остальное дела, Таня занялась репетиторством.

Мама к этому времени была уже в Кургане, но Кирилл оставался у нее на руках. Сейчас он ходил в старшую группу детского сада, и каждое утро ей приходилось тратить сорок минут на дорогу в одну сторону, поскольку детский сад располагался на другом конце Москвы, рядом с домом, в котором он раньше жил со своей покойной мамой.

Следующие две недели ей помогала ее институтская подруга Света, забиравшая Кирилла вечером. Светка вообще оказалась единственной, из всех ее многочисленных друзей и знакомых, кто проявил к ней хоть какой-нибудь интерес после поминок. Остальные, включая якобы влюбленного в нее Дениса, куда-то делись.

Правда, Денис еще пару раз объявлялся, но поняв, что ей сейчас не до него, тихо испарился. Таня этому особо не удивилась и даже в чем-то его понимала, главной в его семье была мама, наверняка уже успевшая объяснить своему, все очень тонко понимавшему сыну, что его любимой сейчас не до него и ничего, кроме проблем, отношения с ней ему не принесут. Поэтому он вовремя наострил лыжи.

Светка оставалась дольше всех – приводила Кирилла из детского сада и сидела с ним до вечера, пока смертельно усталая подруга не приползала домой. Но, в конце концов, не выдержала и она. Ей надо было учиться, а у замученной Тани не оставалось сил даже на обычную болтовню. И когда, однажды Света сказала ей, что больше забирать ребенка не сможет, она, не устраивая долгих разговоров, просто поблагодарила ее за помощь. После чего их дружба благополучно завершилась.

Разрыв со Светой, больших проблем не создал: к тому времени она уже успела договориться с пенсионеркой Валентиной Васильевной из соседнего подъезда, согласившейся взять на себя заботу о Кирилле за 50 рублей в месяц.

За первый месяц репетиторства Таня заработала 500 рублей, за следующий – целых 600. Это были колоссальные суммы, из которых она смогла отдать первые

1000 рублей долга, одному из приятелей покойного отца. На жизнь оставались мамины больничные, плюс сотня, максимум полторы, из заработанных на репетиторстве. К тому времени ее суммарный долг составлял семь тысяч рублей и, если так будет продолжаться и дальше, то через год от долгов останется максимум пару тысяч. Оставалось только продержаться.

Декабрь начался с небольшого происшествия.

Усталая и издерганная после многочисленных уроков, Таня возвращалась домой. Было около восьми вечера, на улице темно и противно. Сойдя с автобуса, она уже шла к дому, когда услышала женский визг. Автобус уже ушел, кроме нее на этой остановке никто не сходил, и поблизости никого не было видно, но звуки раздавались, именно с той стороны, откуда она только что ушла. Присмотревшись, она различила какое-то движение, среди кустов, росших неподалеку от остановки. Там явно что-то происходило!

В такое время и в таком месте может случиться всякое, но накопившееся раздражение полностью лишило ее всяких остатков осторожности. И, хотя в руках у нее не было ничего кроме целлофанового мешка с учебниками, она, не раздумывая ни секунды, тут же бросилась на помощь.

Перед ней стояли трое парней, окруживших девушку с совсем маленьким ребенком. Ребенок, по-видимому, это был мальчик, стоял у ее ног. От испуга он целиком зарылся в мамину юбку, правой рукой девушка прижимала его к себе, а за левую ее держал один из парней, явно собиравшийся ее куда-то тащить. Была ли девушка пьяна, Таня не поняла, но вот парни вокруг уже явно успели поддаться.

Подбежав, Таня тут же потребовала у ребят отпустить девушку.

В ответ ее грубо оттолкнули, попросив убираться туда, откуда пришла. Она не до конца поняла содержание этой просьбы, состоявшее в последовательном перечислении большинства известных ей нецензурных слов, но из наиболее понятного куска следовало, что все трое: то место, откуда она пришла, то место, в которое она должна была убраться, и она сама были одним и тем же.

Не тратя ценное время на анализ этого странного, пространственно-лингвистического парадокса, она подскочила к девушке и начала силой отрывать державшую ее руку. Новым ответом был сильный удар локтем в живот!

Она согнулась от боли, но как только дыхание восстановилось, начала громко кричать. После чего парень, державший девушку, ее руку отпустил, но только затем, чтобы схватить за волосы уже саму Таню и приставить к ее горлу нож, внезапно появившийся в его руке. Лишь теперь она замолчала, поняв опасность.

Пощекотав горло кончиком ножа, парень ласково проговорил: “Ну погоди, детка, однажды я тобой еще займусь”.

Вслед за этим он повернулся и ушел, не забыв перед уходом, аккуратно сложить нож. Остальные последовали за ним без единого звука, а девушка с ребенком исчезли еще до того, как Таня пришла в себя от произошедшего. Посмотрев на другую сторону улицы, она ее увидела. Девушка быстро шла, почти бежала, ребенок сидел на ее левой руке, а в правой она несла большую сумку. Судя по всему, ее целью был дом, стоявший метрах в ста от остановки.

Проследив направление, в котором направлялась девушка, Таня вдруг поняла, что она ее знает. Эта была Даша, с которой она играла в раннем детстве, в садике по соседству. В садике была детская площадка, на которую Даша тоже приходила с бабушкой. Бабушки мирно беседовали на скамейке в то время, как их внучки носились по площадке, как сумасшедшие, или мирно играли в песочнице. Но это было давно, потом она ее долго не видела, а в последние пару лет несколько раз встречала на улице с разными парнями. А сегодня Даша чуть не доигралась.

Эти парни хотели куда-то ее затащить против ее воли, но Таня их вовремя остановила. Странно, но она почему-то не испугалась даже ножа. Ее бы они не убили, это она знала точно. Но ее и не надо было убивать, достаточно только...

Ну не будут же они делать это тут, на улице, – с усмешкой подумала она.

Еще раз оглядев теперь уже абсолютно безлюдную улицу, Таня повернулась и с чувством выполненного долга направилась домой.

Проблемы начались в середине месяца.

Сначала двое из ее учеников показали такие хорошие результаты по физике, что родители решили, что дальнейшие занятия просто не имеют смысла.

Далее выяснилось, что новых учеников больше нет и, по-видимому, уже не будет, так как все желающие к этому времени уже нашли своих учителей. В других школах ее не знали, но даже если бы и знали, в этой области была жесткая конкуренция и за последний месяц она получила только одно предложение, несмотря на то, что развешивала объявления, где только можно. От одного предложения пришлось отказаться, так как до ученика надо было добираться больше часа. Потратить 4 часа, из которых только полтора придется на урок, она посчитала бессмысленным.

Но последний удар был нанесен семьей Осиповых, которые были самыми выгодными ее клиентами. У Осиповых была двойня, мальчик и девочка. Оба были сильно разбалованы, учиться не любили. Таня помогала им по английскому и математике и занималась с ними каждый день, три дня в неделю – английский, два дня – математика. Работавший в министерстве отец постоянно ездил в зарубежные командировки, и они могли без труда потратить 250 рублей в месяц на репетиторство.

А еще отец интересовался астрономией. Поэтому в углу их громадного балкона был смонтирован весьма приличный телескоп, а в комнате стоял целый шкаф с литературой по астрономии. Именно это и стало источником ее бед.

Влюбленная в астрономию Таня однажды, после конца занятий, заинтересовалась книжками. За разговорами незаметно пролетел час, а потом отец показывал ей свой телескоп, привезенный из одной из многочисленных зарубежных поездок. Они и не заметили, как пришла мать. Не имевшей никакого опыта общения с мужчинами Тане не могло прийти в голову, что их общение выходило за какие-то приемлемые рамки, но это было первое, что пришло в голову гражданке Осиповой, увидевшей гражданина Осипова, увлеченно разговаривающего со стоявшей к нему вплотную привлекательной брюнеткой.

Тогда их разговор прервался и больше не возобновлялся, так как гражданин Осипов был с утра до вечера занят на работе и приходил домой поздно вечером, но гражданка Осипова разговора не забыла. Подходящий повод нашелся в

середине декабря, когда однажды, перед началом очередного занятия, выяснились, что девочка не сделала задания, которое дала ей Таня в прошлый раз. Недолго думая, мамаша надавала любимой дочери несколько пощечин. Девочка начала плакать.

Возмущенная такой реакцией Таня попыталась оттащить дочь от матери, тем самым предоставляя той давно искомый повод.

– Ах, ты тут меня еще и воспитывать будешь, как я с моими собственными детьми поступить должна, – выверилась мамаша, – А, ну-ка, вон отсюда! И чтобы духу твоего здесь больше не было.

Вечером того же дня ей позвонил только что пришедший домой отец и спросил, где она живет, чтобы привезти ей гонорар, причитавшийся ей за уже проведенные занятия. На этом репетиторство у Осиповых закончилось, а с ним и значительная часть заработка. Оставшиеся уроки приносили только 250 рублей в месяц. Таких денег разумеется хватало на жизнь, но об отдаче долгов можно было забыть. В том числе и потому, что к этому моменту расходы резко увеличились, мама уже вернулась из Кургана, понемножку ходила по квартире, но сама ничего делать не могла, и ей нужна была сиделка. Услужливая Валентина Васильевна сразу же согласилась работать у них целый день, но теперь ей пришлось платить уже 120 рублей. Первоначально она хотела 140, но Тане удалось уговорить ее умерить свои требования.

Положение сложилось отчаянное. Теперь, когда надежд на репетиторство больше не оставалось, надо было срочно искать какую-нибудь другую работу с солидным приработком, вопрос был только, где и как такую работу найти? Она не знала, к кому еще обратиться, но в конце концов после долгих размышлений, припомнила одного старинного отцовского приятеля, который конечно же мог бы помочь, хотя ей очень уж не хотелось к нему обращаться. Собственно, именно поэтому она о нем и забыла, но сейчас он был единственным, от кого можно было получить помощь и ей было не до сантиментов.

Разговор состоялся вечером. Как она и ожидала, к телефону подошел дядя Володя и сразу же ее вспомнил. Сказал, что знает о гибели отца и братьев и выразил свое искреннее соболезнование. Был ли он искренен в своем сочувствии она не знала, но сейчас это было неважно, единственное, о чем она сейчас думала, было то, что дядя Володя, возможно, поможет найти для нее работу в ресторане или в гостинице, потому что только там можно было заработать

сумму, достаточную для выплаты ее немалого долга. Дядя Володя обещал подумать.

Позвонил дядя Володя уже на следующий день и предложил зайти к нему домой на следующее утро. Встретил он ее очень хорошо, провел в аккуратную гостиную и напоил вкусным чаем. Они пили чай, а она подробно рассказывала о том, что произошло за последние месяцы. За все время ее рассказал он не проронил не слова. А после того, когда она замолчала, он, наконец, сообщил ей то, ради чего она пришла. Новость была прекрасная! Работу для нее он подыскал, переговорив с одним хорошим знакомым, который может устроить ее помощницей официанта в ресторан при гостинице „Националь“. Работа в вечернюю смену с 19 до 24.

Радости не было предела. В таком месте действительно можно было неплохо зарабатывать. Если хорошо крутиться, то за вечер можно было поднять рублей 20-30, по крайней мере так рассказала ей соседка, работавшая в соседнем магазине.

Счастливая, она приступила к работе уже через два дня. Ее прикрепили к Николаю Ивановичу, худому невысокому мужчине, лет сорока пяти, считавшемуся одним из наиболее опытных официантов. Учеба длилась недолго, первый день она только наблюдала за его действиями, а потом начала помогать ему, принося заказанные блюда и забирая посуду. Уже через 3 дня он был так доволен ею, что вручил восемь рублей из своих чаевых. Не так уж плохо за работу с семи часов вечера и до полуночи, а ведь это было только начало! Когда она все изучит и будет все делать правильно, то, конечно же, получит больше.

Но даже эти восемь рублей позволяли, пусть и не полностью, но все же компенсировать потери на репетиторстве. Таня была удовлетворена, хотя были, конечно, и неприятные моменты, как, например, встреча нового, 1985 года, когда из-за нехватки свалившегося с гриппом персонала ей пришлось работать с вечера 31 декабря и вплоть до закрытия ресторана в ночь на второе января. Она, правда, получила за это время 70 рублей, но в конце этой смены еле ходила.

А кроме того испытала нечто иное, чем радость, встретив сразу двух знакомых по институту, один из которых был тем самым профессором, предлагавшим ей поступить к нему в аспирантуру еще тогда, когда она была на третьем курсе.

Профессору было известно о ее трагедии, и он не очень удивился, увидев ее здесь, но по тому, как он с ней поздоровался и как потом на нее смотрел, ей стало ясно, что он уже списал ее со счета. От его жалостливого, слегка презрительного, взгляда у нее сжало горло, но было очень много работы, и через пару минут это маленькое происшествие полностью вылетело из головы.

Работа в ресторане оказалась утомительной, даже и без новогодней горячки. Времени оставалось только на сон, утром она вставала с постели, ела то, что приготовила Валентина Васильевна, и сразу садилась за переводы, которые ей понемногу подбрасывала другая сотрудница бюро переводов. С ней она смогла наладить отношения уже после начала работы в ресторане, и теперь можно было опять немножко подработать, переводя с немецкого спецификации каких-то машин. А в 13.45 она уже выходила из метро Бабушкинская, чтобы в 14.00 начать урок с первым из ее учеников, которому она помогала по математике. Потом следовало еще два урока, а в начале седьмого вечера уже наступало время идти в ресторан.

В субботу и воскресенье она работала с полудня, а выходным был понедельник, единственный день, когда можно было заняться своими делами и поиграть с Кириллом. В ресторане дела шли хорошо, и она очень быстро изучила все несложные процедуры. Николай Иванович был ею очень доволен, теперь он давал ей по 10 рублей за обычный вечер и 15 за выходной день, не на много больше, чем вначале, но все-таки больше, чем ничего. Ей было приятно.

Недели через три после начала работы в ресторане, придя домой от учеников в пять вечера, она застала дома не только Валентину Васильевну, но и какую-то хмурую женщину, представившуюся ей сотрудницей службы опеки несовершеннолетних. Женщина сообщила ей, что пришла за Кириллом, который незаконно живет у нее. Да, правда, после гибели матери он остался полным сиротой, но у него есть близкая родственница, его родная тетя, которая как раз подала документы на усыновление. Тётка имеет на Кирилла все права, поэтому сотрудница службы опеки пришла, чтобы забрать его и отвести к ней.

Таня посмотрела вокруг – Кирилла нигде не было видно. Валентина Васильевна рассказала, что, узнав, куда его хотят отвести, он сразу убежал и спрятался под комод в родительской спальне. Старинный комод был, правда, на высоких ножках, но Кирилл был крупным ребенком, и она не представляла, как он вообще смог туда залезть. Самой его оттуда вытащить ей не удалось, поэтому

пришлось потратить кучу времени, чтобы уговорить Кирилла самостоятельно покинуть свое убежище. Причем произошло это только после ее торжественного обещания никогда и никому его не отдавать.

Для решения проблемы нужно было время, поэтому пришлось дать сотруднице взятку в 100 рублей для недельной отсрочки, необходимой для того, чтобы персонально встретиться с теткой Кирилла, для которой у нее не нашлось времени ранее следующего понедельника.

Любовь Федоровна встретила ее неприветливо и сообщила, что хочет забрать к себе Кирилла для того, чтобы он воспитывается с ее детьми. На что Таня ответила, что прекрасно понимает причину ее любви к Кириллу в виде двух комнат, в которых он жил с матерью. Поэтому она предлагает забрать ребенка к себе, а квартира пусть остается у тети. В ее квартире сейчас много свободного места, поэтому на эту жилплощадь она претендовать не будет.

В ответ последовала плохо разыгранная, но от этого не менее эффектная сцена. Сначала тетя изобразила страшное возмущение циничным предложением обмена ребенка на две комнаты, но потом вдруг изменила свое мнение. Кирилл – ее родной племянник, но она не будет на него претендовать, если Таня не только откажется от квартиры, но и оплатит ей, эээ, моральный ущерб. Любовь Федоровна была грамотной женщиной, однажды она где-то прочла, что такой вид ущерба бывает в странах проклятого Запада. Так что сейчас эта краля получит все, как на Западе.

Расчет оказался верным. Успевшая сильно привязаться к ребенку Таня была готова заплатить, только бы ей его оставили. Но тех трех тысяч, которые тетка у нее требовала, у нее не было, зато были многотысячные долги, и Любовь Федоровна, боявшаяся, что Таня по чисто материальным причинам откажется от сделки вынуждена была резко умерить свои запросы. Теперь она была согласно и на одну тысячу. На том и сошлись.

Теперь оставалось только достать необходимые полторы тысячи рублей (пятьсот, из которых, по грубым оценкам составляли затраты на саму процедуру усыновления), но денег таких не было, и она не знала, где их взять.

Когда во вторник Таня пришла на работу, Николай Иванович сразу же заметил ее удрученный вид. Сначала она стеснялась, но потом все же рассказала ему о

своей ситуации. Похоже, она родилась в рубашке, потому что вместо того, чтобы послать ее носить грязную посуду, он отнесся к ее проблеме с полным пониманием и выразил готовность одолжить деньги под небольшой процент. Себе он хотел всего 10%, если она возвратит деньги в течение года, или 30%, если возврат состоится в течение двух лет. Это было идеальное решение. Десять процентов с 1500 рублей составляло всего 150, но если она заработает 1500, то и эти 150 уж точно заработает. А в том, что она их заработает, она не сомневалась – через полгода-год она уже будет официанткой третьей категории, и станет сама получать чаевые, которые будут куда больше сегодняшнего червонца.

На следующий день Николай Иванович принес деньги и, получив ее письменную расписку, предложил обращаться к нему еще, если у нее возникнут новые денежные трудности.

Главный кредитор позвонил неделю спустя. Ему срочно понадобились его три тысячи – он разводился с женой, и все его планы поменялись. Деньги нужны были немедленно.

Николай Иванович был сама любезность и через два дня ее старый долг был полностью выплачен, пусть даже за счет увеличения ее задолженности перед новым кредитором до колоссальных 4500 рублей, суммы, превышающей двухлетнюю учительскую зарплату. Но все же заем был очень кстати, позволив перенести на потом ее самый большой долг, и жизнь постепенно приходила в норму. Обязанности свои она уже изучила, и принявшая ее на работу заместительница директора гостиницы Виктория Викторовна была ею очень довольна. Таня понемногу знакомилась с персоналом.

Одна из ее новых знакомых была буфетчица Валя, красивая, очень аккуратно одетая женщина. А еще она познакомилась с Любой, симпатичной девушкой, года на два старше ее. Как и Таня, Люба была помощницей официанта. Впервые она увидела ее недели через две после поступления и, разговорившись, выяснила, что Люба тут работает давно. На вопрос, почему она не видела ее раньше, Люба не ответила, и Таня подумала, что та, наверное, была в отпуске.

На следующий день Люба вышла на работу, но уже часам к восьми куда-то исчезла. Позже Таня обнаружила ее в зале за столиком с мужчиной лет

пятидесяти.

Назавтра Люба снова не пришла, но Таня опять нашла ее в зале. Теперь она сидела за столом с другим мужчиной, лет сорока пяти. Она подумала, что это, наверное, ее родственник, но однажды, проходя мимо, увидела, как они страстно целовались.

Когда на следующий день Люба опять объявилась на своем рабочем месте, Таня интереса ради спросила у нее, зачем она встречается с мужчиной, который на много старше ее. Весело рассмеявшись в ответ, Люба объяснила, что она делает это за деньги, причем за хорошие деньги.

Таню эта новость шокировала. Она, конечно, читала про проституток и ей не раз говорили, что их полно в элитных московских ресторанах, но она еще никогда с ними не встречалась. Люба была для нее таким экзотическим зверем.

Она поинтересовалась, о каких деньгах идет речь. Выяснилось, что за вечер и ночь Люба получает двести долларов. Получалось 800 рублей, если считать по курсу один к четырем. И это только за один день!

Могла бы я так, – машинально подумала Таня, – мои долги исчезли бы за две недели.

На этом ее размышления на эту тему закончились. Спать с мужчинами было чем-то, далеко выходящим за пределы ее горизонта, не говоря уже о том, чтобы делать это за деньги. Деньги вообще не могли быть критерием для секса, она, конечно же, без долгих рассуждений отдалась бы Жану Марэ, но он, к ее великому сожалению, до сих пор так и не сделал ей предложения. Ну хорошо, пусть ее покорит кто-нибудь другой, хотя она до сих пор таких не встречала. И вообще, все это, конечно же, были чисто теоретические рассуждения, не имевшие никакого отношения к реальной жизни.

В следующие недели Таня видела Любу исключительно в зале с клиентами, но однажды она опять пришла на работу и честно отработала до конца смены. Таня спросила, почему она работает так редко.

Из Любиного ответа она поняла, что поскольку ее основная работа происходит в номерах, то на этом рабочем месте она появляется исключительно в то время,

когда происходят какие-нибудь проверки. А в ответ на вопрос, почему Люба раньше иногда появлялась на пару часов, та ответила, что в те разы ее специально об этом попросили. Она не стала объяснять, почему.

Как пояснила Люба, в ресторане были и другие проститутки. Приезжие из провинции числились рабочими на кухне и уборщицами, а москвички часто вообще нигде не работали. Таню прошиб ужас, когда она узнала, что возглавляла весь этот подпольный бордель та самая Виктория Викторовна, которая принимала ее на работу.

Конфликт с буфетчицей Валею случился в первой половине февраля, когда, придя за очередной порцией спиртного, она застигла свою подругу за переливанием третьесортного виски в фирменную бутылку очень дорого виски Ardbeg, триста грамм которого она должна была подать посетителям. Возмущенно спросив, как она смеет такое делать, Таня потребовала, чтобы Валя дала ей фирменный продукт. Ничего не ответившая, сильно разозленная Валя, молча, достала запечатанную бутылку заказанного виски, которую тут же открыла. После этой истории они перестали разговаривать, правда ненадолго, потому что через пару дней Валя заболела гриппом и ушла на бюллетень.

Как выяснилось на следующей неделе, заболела не только она. Во вторник утром ей позвонили из ресторана и попросили заменить заболевшего Николая Ивановича. К этому моменту она уже проработала полтора месяца и вполне справлялась с работой. Время работы было тем же, что ее полностью устраивало.

Первый день прошел отлично, она получила 30 рублей чаевых, которые смогла оставить себе. Во второй день она получила уже 40 рублей. Счастью не было предела!

Катастрофа произошла в четверг. Таня несла переполненный поднос с французским коньяком, гранатовым соком и жирным, нарезанным на ломтики лососем. Она уже остановилась перед столиком и даже поставила на стол первый бокал, как вдруг ее сильно толкнули сбоку. Поднос полетел на стол, алкоголь и сок полились на людей за столиком, туда же отправился и лосось. Вдобавок разбилось два бокала. Все это событие сопровождалось грохотом, вслед за которым последовал еще более сильный мат гостей.

Как выяснилось, посетитель из-за соседнего столика решил встать, для чего отодвинул стул назад. Сделал он это, по-видимому, чересчур энергично, стул сильно ударил ее, и она не смогла удержать равновесия. На шум прибежал старший официант, а через некоторое время явился сам директор.

Пострадавшая пара оказались очень непростыми посетителями. Он был какой-то крупный чиновник из одной из среднеазиатских республик, приехавший в Москву с женой. Его костюм и ее платье были залиты коньяком и соком, а дополнял малоприятную картину жирный лосось, размазанный по очень красивому платью. Конечно же, Таню толкнули, но виновата была только она, гость ее не видел, а она стала как-раз между столиками.

Когда посчитали ущерб от пропавшего алкоголя и испорченной одежды, оказалось, что она должна возместить фантастический ущерб – только костюм и платье стоили порядка 800 долларов, не считая посуды, скатерти, еды, обивки стульев и испорченного вечера. Итого четыре тысячи советских рублей. Самый большой урон нанес свежавыдавленный гранатовый сок, пятна которого, как известно, не отмываются. Ее отстранили от работы.

Она начала звонить домой Николаю Ивановичу. В этот раз все его благодушие куда-то исчезло. Узнав, что произошло, он пришел в бешенство и орал в трубку, что, наверное, ошибся в Тане, что она, скорее всего, не сможет здесь работать, а он дал ей деньги и теперь не знает, как она ему их отдаст. А теперь она требует денег еще. Если она хочет зарабатывать деньги, то, наверное, выбрала не то место и ей надо заняться чем-то другим.

На ее вопрос, что он имеет ввиду, Николай Иванович посоветовал ей идти поработать у Виктории. – Долги сразу исчезнут и все будут довольны. В этом случае он со спокойной душой сможет оплатить ее сегодняшний долг, но иначе он этого делать не будет, и пусть она разбирается в своих проблемах сама. Пусть продаст квартиру, например.

Она была в шоке, но что можно было возразить? Может быть, действительно, надо было продать квартиру?

Раньше эта идея как-то не приходила ей в голову. Она, конечно же, могла бы разменять свою чудесную квартиру с доплатой на меньшую в худшем районе. Тогда она точно решила бы все проблемы, и у нее еще осталась бы на руках

очень приличная сумма, но на это у нее просто не было сил. Ей квартира досталась от папы, а ему от его отца, ее деда, портрет которого висел в столовой. Дед был очень красивым мужчиной, ростом под метр девяносто. Ее покойный брат был назван в его честь, а она тоже была на него немного похожа. Продажа квартиры была равносильна продаже памяти всех ее мужчин, и на это она никогда не пойдет! Когда-то у нее было много мужчин, но теперь их больше не было, а единственной памятью о них была эта квартира да могилки на кладбище. Поэтому квартиру она не отдаст. Ни за что!!!

А кроме того сейчас их было трое, и им всем нужно где-то жить. Когда она выйдет замуж, то приведет в эту квартиру своего мужа. Точно также, как за 22 года до того, ее папа привел в нее маму. Но деньги нужны были сейчас, а потому у нее не оставалось другого выхода, как пообещать Николаю Ивановичу всерьез рассмотреть предложенный им, совершенно невероятный, путь отдачи долга. Хотя, конечно, ничего подобного она делать не собиралась. Или все же собиралась? Ответа на этот вопрос Таня не знала!

Домой она пришла поздно, мама с Кириллом уже давно спали. Стоя перед зеркалом, критически осмотрела себя. Сейчас на ней были главные из ее богатств – потертые джинсы, привезенные отцом из очередной командировки, и доставшееся от бабушки массивное золотое кольцо. Конечно, в шкафах лежали еще кое-какие вещички в виде других джинсов, почти новых немецких босоножек и модной японской куртки. Плюс вещи, оставшиеся от покойных мужчин. За все это, конечно, можно было бы получить тысячи полторы рублей или даже целых две с половиной. Но таким образом она никогда не сможет отдать свой, более чем десяти тысячный долг. Даже тогда не отдаст, если продаст все остальные вещи и одежду в доме. В таких случаях, как у нее, уже поздно размениваться по мелочам. В таких случаях распродают семейное серебро!

А единственное, по-настоящему серебряное серебро, которое еще оставалась в этом доме, сейчас смотрело на нее из зеркала. Выглядело оно, правда, каким-то пожухлым, и она сомневалась, что его еще можно будет кому-нибудь всучить за приличную цену.

Но нет, конечно! Сейчас она просто устала и уже ничего не воображает. А потому забыла, что серебро имеет привычку чернеть, что не останавливает людей, разбирающихся в ценных металлах. И, как объяснила ей Люба, этот сорт серебра явно не принадлежал к числу особо дешевых. Немыслимая поначалу,

идея о том, чтобы пойти на работу к Виктории, постепенно становилась мыслимой. В чем-то даже притягивающей!

Последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, стал следующий рабочий день.

Где-то часов в 10 вечера она брала в буфете заказанный алкоголь. Валя первый день после бюллетеня была на работе, друг на друга они не смотрели. Таня деловито перечисляла необходимое спиртное, пользуясь ранее составленным списком, а Валина помощница тут же разливала заказанное по бокалам и графинам. Список лежал в кармане фартука под здоровенным кошельком и ей пришлось положить кошелек на стойку, чтобы его достать. Когда клала кошелек назад, ей показалось, что он лежал как-то не так, как она его положила, но в тот момент это не показалось важным.

Прозрение настало через пятнадцать минут, когда, достав кошелек, чтобы положить туда деньги, взятые у очередного посетителя, Таня, к своему ужасу, обнаружила, что в кошельке отсутствовали все крупные купюры, вместе составлявшие колоссальную сумму, в размере примерно шестисот рублей, полученных ею за весь день. От неожиданности у нее все начало крутиться перед глазами, она покачнулась и чуть не упала. Посетитель даже должен был вскочить с места, чтобы ее поддержать.

Потом она взяла себя в руки, подошла к администратору и объяснила, что деньги отдаст завтра, а сегодня работать больше не в состоянии. После чего сразу же ушла из ресторана. Ее главным желанием было отдать деньги уже сегодня, но для этого их сначала надо было одолжить, а Виктория Викторовна, как и следовало ожидать, уже давно ушла домой. Мелькнувшая было идея пойти и разобраться с Валею была тут же ею отвергнута. Что и кому она могла здесь доказать?

Ночью Таня спала плохо, ее мучили кошмары. Уснуть удалось только после стакана водки, а проснувшись рано утром, она не могла найти себе места до начала десятого, когда, даже забыв позавтракать, помчалась к Виктории. От водки болела голова и пересохло в горле, но она полностью игнорировала все эти мелочи, волнуясь по дороге так, как не волновалась, даже перед наиболее сложными экзаменами.

Была суббота и она боялась, что Виктория не выйдет на работу. Но тревоги оказались напрасными. Заместитель директора встретила ее, как старую знакомую.

– Ну, наконец-то, – сказала она, – до тебя дошло, как симпатичная девушка может быстро расплатиться с долгами, не забыв при этом получить изрядную порцию наслаждения.

При чем тут наслаждение Таня так и не поняла, но сейчас это ее совершенно не интересовало. Интересовало ее то, что, получая 200 долларов за вечер, можно будет расплатиться с долгами за пару недель. А может и быстрее, учитывая, что у нее еще не было мужчин. Про то, что девственницы имеют особую цену она, читала еще у Куприна и вряд ли сейчас это стало иначе.

Виктория разумеется права, она действительно может очень быстро решить все свои проблемы, а все, что для этого надо, это раздеться, лечь на спину, раздвинуть ноги и стиснуть зубы от отвращения.

Занятые у Викториии шестьсот рублей Таня вернула в кассу тут же, но больше на работу не выходила, объяснив маме, что у нее отпуск.

Виктория позвонила в четверг. Нашелся подходящий клиент, денежный армянин, цеховик с юга России. Это была совершенно безрадостная перспектива, она, конечно же, предпочла бы европейца или американца, но она тут больше ничего не решала. По требованию Виктории ей пришлось пройти медосмотр у гинеколога, который должен был подтвердить ее девственность и дать инструкции на будущее.

Она никогда не ходила к гинекологу и сейчас также не видела такой необходимости, но пришлось подчиниться. В поликлинике, адрес которой дала Виктория, ее принял врач, мужчина лет пятидесяти. Первый раз в жизни ей пришлось лежать перед мужчиной голой, с раздвинутыми ногами, а позже он беседовал с ней, сидя за столом. Врач оказался довольно симпатичным и очень приветливым человеком, но после того, как он ее видел в таком виде, она не могла смотреть ему в глаза.

Гинеколог дал ей напечатанную на ксероксе инструкцию, подробно описывающую методы контрацепции и распознавания венерических заболеваний, и выписал противозачаточные таблетки на будущее. А в заключение предложил ей прийти к нему позже, чтобы поставить спираль.

Уходила Таня с понуренной от стыда головой и перегруженной совершенно ненужной, по ее мнению, информацией. От беременности нужно предохраняться тем, кто постоянно занимается сексом, а для ее восьми клиентов хватит и презервативов. О которых ей и без него все было известно.

Со своим первым клиентом она встретилась в субботу в соседнем Интуристе. Звали его Армен, и он оказался именно таким, каким она себе его представляла. Ниже ее на полголовы, с весьма приличным животиком, лет сорока пяти, с быстрым, но не очень хорошим, русским. В обычной жизни она с таким типом никогда бы даже разговаривать не стала, но ее обычная жизнь осталась позади, а теперь начиналась необычная жизнь, в которой, как известно, возможно все. Для себя она прозвала Армена дефлоратором.

Приветствовал он ее с восточной непосредственностью. – Садысь дэвочка, – предложил он, – указывая на соседний стул. Сам же при этом из-за стола не встал.

Таня села мило улыбнувшись. Улыбка получилась замечательной, полдня тренировки перед зеркалом явно не прошли даром. Он поинтересовался, как ее зовут. В ответ она назвала свое настоящее имя, скрывать его смысла не имело, ведь Виктория все равно могла ему его сообщить.

Есть совершенно не хотелось, пить тем более, но, чтобы не обижать своего первого мужчину, пришлось согласиться на салат с яблочным соком. Она вяло жевала не лезший в горло салат, он с удовольствием доедал шашлык, а в перерывах между жевками они немножко обменивались мнениями о том – о сём (в основном о еде и погоде). Когда все закончилось, Армен позвал официанта, расплатился и предложил пройти в его номер.

В номере он сразу же направился к кровати, небрежно откинул аккуратно уложенное покрывало и, повернувшись, молча поманил ее пальцем. Она послушно подошла, и он начал ее грубо лапать, сначала ощупывая грудь, затем

руки пошли ниже. Электрическим током шибануло воспоминание из далекого детства!

Мясной ряд на Центральном рынке. Она, в новой шубе и зимней шапке, стоит рядом с бабушкой, которая покупает гуся на Новый год. Перед ними на прилавке лежат несколько гусиных тушек, и бабушка тщательно ощупывает каждую, выбирая самую жирную.

Сейчас такой гусиной тушкой была она сама, и единственное отличие состояло в том, что ее щупали не до, а уже после покупки. Мысль об этом оказалась настолько нестерпимой, что она чуть не отбросила эти мерзкие, везде проникающие, руки, сдержавшись в самый последний момент. Ей была противны его руки, противен он сам, и она вдруг с ужасом поняла, что никогда в жизни не задумывалась над тем, как это у нее будет – в ее самый первый раз.

Ей ведь всегда было не до того! У нее всегда было так много неотложных дел, что она не стала об этом думать даже по дороге сюда, потому что единственная мысль, которая занимала ее в тот момент состояла в том, что уже завтра утром, ее долг уменьшится на целых две тысячи рублей. И потому она оказалась совершенно неготовой к тому, что это будет настолько мерзко! – Знала бы заранее, удавилась бы, но сейчас было поздно даже для этого.

Поэтому пришлось неподвижно стоять, сжимая зубы до хруста и собирая все силы, чтобы не зареветь белугой. На улыбку сил уже не хватало, спасала только точка на противоположной стене, на которой она полностью сконцентрировалась. Точка была выбрана так, чтобы ее можно было рассматривать поверх его головы.

Наконец он закончил знакомиться с ее телом и предложил ей его раздеть, что она старательно выполнила. Его небольшой член сразу встал, красавица Таня его возбуждала. А ее главным ощущением в этот момент было чувство ужаса, его половой орган представлялся ей змеей, которая хотела ее укусить. Пересиливая себя, она взяла в ладонь член, который перед этим, как следует, наслюнявила. Обмазав член слюной, она попыталась надеть на него презерватив, но получилось это плохо и, в конце концов, он сделал это сам.

Раздеваться она начала сама, не ожидая его приказа, уже полностью обнаженная, тщательно расстелила на кровати полотенце, в которое должна

была стечь кровь, потом легла на спину, развела ноги и, как следует, наслюнявив ладонь, смазала свою, едва влажную, вагину. После чего безвольно откинула руки на подушку и отвернула голову в сторону. Затем была сильная боль, когда он, пробивая плевру, долго и нудно в нее входил.

Последовавший вслед за этим секс никакого удовольствия не доставил, но она старательно выполняла движения тазом, которые, по ее мнению, были необходимы в данном случае. Наконец он кончил и снял презерватив, который затем просто выкинул в пепельницу. Закурил сам и предложил сигарету ей.

Некурящая, она сначала вежливо отказалась, но потом, подумав, все же сигарету взяла. В первый раз в постели с мужчиной – это ли не повод! Очень осторожно сделав две первые затяжки, она чуть сильнее вдохнула на третьей, и, сильно закашлявшись, прекратила дальнейшие попытки. Курение оказалось отвратительным, еще неприятнее секса.

Он хотел проявить хоть какое-то внимание, как-то позаботиться о ней. Она ведь не была блядью, она отдала ему свою девственность. Ну, хорошо, продала, это было все равно, деньги нужны были всем, и он это знал еще лучше других. Но он не знал, с чего начать.

Книг он не читал, поэтому вспомнил детство и юность в маленьком пыльном городке. Как ездил с родителями продавать мандарины, персики и абрикосы по русским и украинским городам. Как позже ездил уже без родителей. Как они с друзьями, продав фрукты, ходили в ресторан, пили вино и снимали местных шлюх. Которых за небольшие деньги потом коллективно трахали.

О шлюхах Армен отзывался очень плохо. – Глупые и грязные бляди, – рассказывал он ей, – они были готовы на все за несколько червонцев. А то и просто за ужин в ресторане.

Внезапно до него дошло, что и она точно такая же, просто дороже! Но она ведь не была шлюхой, она была чистой девочкой, и он сам это только что проверил. Поэтому он замолчал.

Таня слушала его вполуха, хотя его рассказ о шлюхах ее задел. И в ресторан он ее тоже повел, хотя ей это абсолютно не было нужно. Но нет, конечно же, она не шлюха! С ним она спит не из-за горячей любви к сексу или желания красиво

погулять, она спит с ним, потому что спасает маму и Кирилла. И, конечно же, квартиру! Больше у нее ничего нет, и ничего из этого она никому не отдаст! Даже если для этого ей придется продавать себя.

Затем у них опять был секс. Немножко боли вначале, потом было даже приятно. Особенно если не смотреть на своего первого мужчину. Затем они заснули.

Ночью он еще пару раз ее будил и трахал. Она уже наловчилась, будь здесь посторонний наблюдатель он, вероятно, решил бы, что ей происходящее нравилось. Что, конечно же, не имело никакого отношения к реальному положению дел.

Утром Таня пошла к Виктории, которая, несмотря на воскресенье, была на рабочем месте, и получила обещанные пятьсот долларов в рублевом эквиваленте. Виктория также сообщила ей, что завтра у нее будет новый клиент, американский турист.

Американец это было, конечно же, лучше, чем Армен. За него она получит свои 200 долларов, с учетом ранее заработанных получится целых 2800 деревянных, достаточно, чтобы расплатиться с долгами за клинику Елизарова. Да, ради этого стоило несколько раз раздвинуть ноги. В конце концов, чего только не бывает в жизни, ей будет что вспомнить в семьдесят лет!

Американец, назвавшийся Эдом, оказался банковским клерком лет тридцати, решившим в свой очередной отпуск немножко посмотреть свет. А что может быть интереснее жизни за железным занавесом? Все американские газеты и журналы сейчас были заполнены рассказами о коммунистической России, в которой, судя по всему, опять должна была произойти смена власти, потому что нынешний генеральный секретарь Черненко, судя по всему, доживал последние дни. А кроме того русские женщины всегда славились красотой, и ему было интересно познакомиться с ними вблизи.

К Эду Таня пришла в номер, в ресторан он ее не повел – экономил деньги. Он и так заплатил за нее сумму, превышавшую его трехдневный заработок. Более чем достаточно за одну ночь с красивой русской девочкой. А то, что она еще совсем не опытная, Виктория сразу предупредила его об этом, ну что ж, так еще интереснее, он будет ее учить.

По его команде она разделась и подошла к нему. Он хотел орального секса, о чем он ей и сообщил – “Would you like to give me a little blow job for the starter “.

При всем ее знании английского Таня совершенно не могла понять, что он имеет в виду. Тогда он показал действием, взяв ее за шею и направляя голову вниз, теперь она поняла его слишком хорошо и отшатнулась в ужасе. Сейчас она занималась проституцией, это правда. Но она не шлюха и потому в рот брать не будет! Ей вспомнилась эта пьяная дура в женском туалете.

Это произошло последним летом в Геленджике. Они сидели в ресторане всей семьей, и ей захотелось в туалет. Там, около зеркала, стояла сильно пьяная девка. Ну не девка, конечно, а уже вполне зрелая женщина, лет эдак 28, если не больше. Стоя перед зеркалом с сигаретой во рту, дама, пошатываясь, разглядывала свое изображение, с которым одновременно разговаривала.

– Ну почему мне так не везет? Все, что получила – это вот эти вшивые джинсы. Пусть даже и фирменные. А вот Вальке подарили классную шубу. А почему? – А потому, что она шлюха! Она берет в рот! А я не шлюха. – Я в рот не беру!

Нет! Таня никогда не будет шлюхой, а потому до минета опускаться не будет! Ей, правда, немного мешала мысль, что на уже заработанные ею деньги она могла бы купить очень даже неплохую шубу. Но сейчас было не до того, и об этом противоречии она подумает когда-нибудь в другой раз.

Встретив резко отрицательную реакцию, Эд настаивать не стал, в конце концов, его же предупреждали, что девушка совсем неопытная. Секс с ним оказался поинтереснее чем с Арменом. Он был внимателен, показывал ей разные позы, сам надевал и менял презервативы. С ним ей было даже приятно, пусть только тогда, когда она забывала о цели своего пребывания в его постели. А с забыванием получалось не всегда.

Ночью он ее еще пару раз трахнул, а утром она пошла домой. Виктория попросила прийти к ней за деньгами к двенадцати. У нее оставалось еще четыре часа свободного времени.

Придя к Виктории, Таня застала там трех девушек и помощника Виктории Романа Петровича.

Роман Петрович, для нее скорее Роман, был старше ее лет на 8, если не меньше. Для администратора, которым он числился по штату, он выглядел довольно странно: встретить она его на улице, скорее всего приняла бы за бандита или по крайней мере за телохранителя какой-нибудь важной персоны. Но Роман был неглуп и, судя по всему, даже образован.

Одну из девушек она уже видела в ресторане (на нее ей однажды показала Люба), а две другие, судя по всему, были ее подругами по профессии. Вид у всех троих был мрачный, друг на друга они не смотрели.

Виктория тут же дала Тане 150 долларов, вместо обещанных 200. А на вопрос, почему ей так мало заплатили, ответила, что таким, которые ничего не умеют, больше платить не за что. Вот когда она научится правильно обслуживать клиента, то будет получать больше.

Поначалу ее эта новость убила, они здесь явно собирались сделать из нее шлюху. Но потом, немножко подумав, успокоилась, в переводе по черному курсу сто пятьдесят долларов составляли 600 рублей, причем только за одну ночь. Более чем достаточно для уплаты ее долгов, просто теперь придется дополнительно обслужить еще нескольких клиентов. Ну и чего тут расстраиваться? Если она способна пережить восемь клиентов, то уж точно не загнется, если их вдруг станет двенадцать.

Она уже собралась уходить, когда Виктория попросила ее остаться на пару минут. Она села рядом с девочками, после чего Роман встал, подошел к выходной двери, и закрыл ее на ключ. Открыв другую дверь, соединявшую кабинет с соседней комнатой, он обратился к той девушке, которую она уже знала, – Сюда!

Девушка беспрекословно встала и пошла, опустив голову. Сидевшие рядом с Таней ее подруги смотрели в другую сторону.

Зашедший вслед за девушкой Роман двери закрывать не стал, и вскоре Таня услышала звуки глухих ударов, сопровождаемые короткими девичьими вскриками. Роман ее бил и, очевидно, бил сильно, потому что эти придушенные

крики были отчаянным зовом о помощи. По крайней мере так их оценила Таня, никогда не терпевшая насилие над слабыми. Вскочив со стула, она бросилась на помощь избиваемой, но благородному намерению не суждено было осуществиться, на полдороге ее перехватила одна из девиц, силой заставившая ее вернуться на прежнее место.

– Сиди, ты еще новенькая и ничего не знаешь, – прошипела она, всем своим весом прижимая ее к стулу. Девушка была за метр восемьдесят и явно не из слабых. Таня не могла пошевелиться.

Наконец вскрики и глухие удары прекратились, и из комнаты вышел Роман, поправляя рукава пиджака. Девица появилась минуты через две. Согнувшись в три погибели, она, покачиваясь, вышла из комнаты, по ее щекам текли перемешанные с тушью слезы. Следов побоев видно не было, судя по всему, этот Роман был настоящим профессионалом своего дела.

Виктория молча показала на стул, побитая села, тяжело дыша, ни сказав при этом ни слова. Таня сидела, не шевелясь. Ей было страшно, возможно, впервые за всю ее недолгую жизнь. Затем Виктория весело обратилась к ней.

– Я всегда стараюсь быть доброй, но бывает и так, что это уже не получается. Вот наша милая Лидочка, – она презрительно махнула рукой в сторону побитой, – три дня назад отправилась вместе с Аллой и Катей к клиентам на выходные. За два дня за каждую из них должны были заплатить восемьсот долларов, из которых триста двадцать составляли мою долю. Лидочка сказала девочкам, что занесет мне свою часть и может также захватить их деньги. Те, ничего не подозревая, деньги отдали.

После чего милая Лидочка отправилась в одну известную ей теплую компанию, где успешно проиграла эти деньги в карты. И не только эти деньги, она вообще все проиграла, что у нее в тот момент было. Счастье, что ей попались приличные люди, которые не стали играть с ней в долг.

И вот теперь ей придется отрабатывать 960 долларов причем с процентами, в этот раз это будет 1200 долларов. А если такое повторится еще раз, она будет отрабатывать уже 1800 долларов. Ну, и так далее. -

Тяжело вздохнув, Виктория продолжила, – ты, Таня, не представляешь, какая у нас тут непростая компания. Но я, конечно, стараюсь.

Потом, посмотрев на какие-то лежавшие на столе бумаги, вздохнула еще раз.

– Ну, вот, собственно, и все. Все свободны!

Таня вылетела из кабинета, тяжело дыша. Только сейчас до нее начало доходить, в какую компанию она попала. Потом, правда, успокоилась – она не пила, не курила, не играла в карты, не принимала наркотики и ей осталось поработать совсем немного, до того момента, когда можно будет навсегда забыть о произошедшем, как о страшном сне. С этой мыслью она поехала домой.

Роман позвонил на следующее утро. К 15.00 часам ее ждали у Виктории.

Когда она пришла, он провел ее в ту самую «комнату ожидания», где вчера наказывали неудачливую картежницу. Кроме нее там было уже семь девочек, так много Таня еще никогда не видела. Она присела на диванчик.

Сидеть пришлось недолго. Минут через десять в комнату зашел Роман, потребовал всем встать и привести себя в порядок. А еще через две минуты в помещение вплыла Виктория вместе с очень высоким и симпатичным мужчиной. Показывая рукой на стоявших в ряд девушек, Виктория обратилась к нему на немецком, с сильным русским акцентом.

– Jetzt sind alle M?dchen hier. Da k?nnen Sie eine richtige Wahl treffen.

Потом Виктория заметила ее. Черт! Сейчас ей было здесь не место, этот придурок Роман ни фига не понимает.

Но было поздно, громадный немец тоже успел ее заметить. Осмотрев сверху вниз, он удовлетворенно кивнул головой и указал на нее пальцем. – Dieses hier.

После чего повернулся и с чувством выполненного долга вышел из комнаты.

Выбежавшая следом Виктория хотела еще что-то сказать, но немец явно не собирался тратить время на пустые разговоры. Достав из дипломата заранее заготовленную пачку долларов, которую он небрежно кинул на стол, немец сначала тщательно закрывал дипломат, а потом на вполне приличном русском заявил хозяйке заведения, что хочет забрать девушку прямо сейчас.

К тому моменту Роман уже успел ее позвать. Таня как раз выходила из комнаты ожидания и сразу натолкнулась на немца, который приветливо махнул ей рукой, и добавив на русском, – «Пошли красавица», – тут же вышел из кабинета. Панически боясь отстать, она молниеносно сорвала свою куртку с вешалки и бегом бросилась за ним. Виктория так и не успела ей ничего объяснить.

На улице стоял роскошный Мерседес. Немец сел на переднее сиденье, показав ей жестом сесть сзади. Ехали минут пятнадцать, пока не подъехали к огороженному по периметру дому для иностранцев. На лифте поднялись на третий этаж, потом немец провел ее в свою квартиру.

Верхнюю одежду сняли в коридоре. Джентльменом немец себя не проявил и курточку снять не помог. Она хотела снять сапоги, он сказал на русском, что в этом нет необходимости. Тщательно вытерев подошвы о коврик, Таня вошла в гостиную, очень большую комнату, в которой кроме громадного ковра в центре без труда поместилось два кресла, большой секретер, пара шкафов, диван, стол со стульями персон эдак на десять и рояль в углу.

Небрежно кинув дипломат в кресло, немец подошел к дивану и показывая ей на место у себя под ногами, приветливо сказал: “А теперь на колени и за работу, моя хорошая”

Он требовал у нее минет, причем сразу!

К этому она совершенно не была готова. В голове все пошло кругом, и она испуганно отскочила к двери. Ничего не понявший немец спросил, что ей не понравилось.

– Я не беру в рот, – с трудом выдавила Таня из себя. При этом ее лицо было искажено от отвращения.

Некоторое время немец озадаченно смотрел на нее, пока наконец не сообразил, что ему подсунули совершенно неопытную и ничего не умеющую девицу. Такие никогда его не интересовали, он только зря потратил время. Приветливая улыбка исчезла с его лица.

– Вон! – он показал ей на дверь.

Ему не понадобилось повторять дважды. Схватив курточку с вешалки, Таня выскочила из квартиры, как ошпаренная. Быстро сбежала по лестнице, но потом сообразила, что если будет так лететь, то ее задержит охрана при входе. Поэтому пришлось остановиться, сделать пару спокойных вдохов и выдохов и аккуратно поправить свои вещи. Мимо охраны она прошла медленно и с достоинством, ее никто не удерживал.

Приехав домой, она села перед телефоном и стала со страхом ждать звонка.

Ждать пришлось долго. Виктория позвонила только в 10 вечера. Не упомянув проклятого немца ни единым словом, она сообщила, что завтра, в десять утра, за ней заедет машина. У нее будет очень важная работа.

Ровно в десять Таня спустилась вниз. Машина, новенькая, черная Волга Газ-24, уже ждала. За рулем был Роман. Ехали они минут 20, остановились около какой-то гостиницы. А может это было общежитие, здание было какое-то неопределенное и было трудно понять, что оно из себя представляет.

Пройдя пустой холл и спустившись на подвальный этаж, они долго шли по длинному, скудно освещенному, коридору. Наконец Роман остановился перед одной из дверей. Взялся за дверную ручку, но затем внезапно повернул голову и посмотрел на нее. Она нашла, что у него какой-то странный взгляд. – Жалеет он меня, что ли, – промелькнуло в голове. Потом Роман открыл дверь и вошел. Таня проследовала за ним.

Глава 3. Ликбез

Они зашли в большую комнату, почти зал.

В центре лежал большой ковер, за которым на стульях расположились двое громил. Два других типа, поменьше, сидели на диване справа. Три длинных узких окна амбразурного типа тянулись под потолком, вдоль стены, напротив. Под левым окном стояла большая софа, далее следовал столик со стульями, а заключал мебельный ряд шкаф с приличным баром.

Оставив Таню на середине комнаты, Роман подошел к большему из громил и передал ему какой-то конверт, который перед этим достал из внутреннего кармана. Затем он повернулся и направился к двоим на диване. Громила его намерение не одобрил.

– Не так быстро. Хочешь присутствовать плати столик, а иначе вон отсюда.

Помощник Виктории такого поворота явно не ожидал. Немного подумав, он ответил: “Хочу, но денег сейчас у меня нет”.

– Договорились, бабки занесешь завтра.

Затем громила повернулся к Тане. Не вставая со стула и не здороваясь, он сразу перешел к делу.

– Виктория тобой не довольна. На твоём последнем клиенте она потеряла кучу денег. Предпоследний клиент был тобой тоже недоволен, потому что ты ничего не умеешь и не хочешь. Такое халатное отношение к своим обязанностям ее не устраивает, именно поэтому она прислала тебя сюда.

– Проблемы твои нам понятны, ты элементарно ничего не понимаешь в сексе. Но это поправимо. Сегодня ты пройдешь у нас интенсивный курс сексуального ликбеза, и все твои проблемы растворятся сами собой. Как и долги.

Сейчас, ей не хватало только этого!

Она начала продавать себя, чтобы заработать так необходимые сейчас деньги, без которых было невозможно расплатиться с долгами. Она никогда не считала себя шлюхой – она была спасительницей и ей надо было отдать долги,

сделанные ради спасения мамы. Так что никакого сексуального ликбеза она проходить не собирается.

Все это Таня сообщила громиле на одном дыхании. Громила заулыбался.

– Детка, ты, кажется, забыла, что с тех пор, как ты начала работать на Викторию, право определять, кто и где будет тебя ебать, перешло к ней. Сегодня она прислала тебя к нам сюда, значит сегодня мы будем ебать тебя здесь.

Его слова были как удар под дых!

У Тани перехватило дыхание. Какое-то время она стояла неподвижно, потом медленно вдохнула и выдохнула воздух. Глаза ее начали блестеть, но она их так и не опустила, продолжая смотреть прямо на громилу. После некоторого молчания он радостно добавил.

– Ну, конечно, детка, ты можешь отсюда уйти, никаких проблем. Ты только должна понимать, что у тебя долги, и если ты не готова нормально работать, то тебе придется отдавать всю сумму сразу.

Таня вздохнула с облегчением.

– У Виктории я заняла 600 рублей, это всего 150 долларов, столько я получаю от одного единственного клиента. Я отдам их со следующего заработка.

– Не так быстро, девочка. Первые твои гонорары были исключительно за твою нетронутость. Теперь все это уже позади, и ты должна добросовестно трудиться за такие деньги. У Виктории работают специалистки высшей квалификации. А за твою нынешнюю квалификацию тебе от силы полагается 100 рублей за ночь и то исключительно из-за твоих внешних данных. Так что только для того, чтобы отдать 600 рублей, ты должна обслужить не одного, а целых шестерых.

От возмущения Таня вскрикнула, но в спор вступать все же не решилась. Силы были явно не на ее стороне.

– Но есть ведь и другие долги.

Громила открыл конверт, который все это время не выпускал из рук, и достал оттуда три листочка, в которых она узнала долговые расписки, собственноручно написанные ею Николаю Ивановичу.

– Но это же не долги Виктории, – в отчаянии закричала Таня.

– А чьи ж еще? – удивился громила. – Или ты всерьез полагаешь, что Коля действительно стал бы одалживать тебе деньги? Да! Вот это действительно стало бы событием, весь ресторан сбежался бы посмотреть на такую счастливицу. Успокойся, моя хорошая, у твоего Николая Ивановича свободных денег нет и быть не может. Он коллекционер, собирает старинные монеты, сколько бы он ни зарабатывал, все это без остатка уходит туда. А деньги дала ему Виктория, которой приглянулась симпатичная девочка. Вот она и решила ей помочь.

Таня стояла ошарашенная. – Значит всё это было специально организовано Викторией, чтобы сделать меня проституткой. Это подлость!

Громила с ней не согласился: “Ну, тебе же денег никто не навязывал. Ты сама искала, где их занять, и была очень счастлива, когда тебе пошли навстречу. Ты понимаешь, моя дорогая, но даже если бы это действительно были деньги Николая Ивановича, их все равно надо было бы отдавать, а для этого их надо сначала заработать. Но, может быть, ты вдруг нашла волшебный способ заработать восемь с половиной тысяч рублей до конца года? Или ты вообще не собиралась их отдавать? “

Таня подавленно молчала. Только теперь, она, по-настоящему, начала осознавать весь ужас своего положения.

Громила между тем продолжал свою речь.

– Но и это еще не все. Ты должна возместить Виктории ее потери из-за вчерашнего отказа немцу. Он хотел снять тебя на неделю и был готов платить по 500 долларов за сутки. Шестьдесят процентов от этой суммы, получила бы ты, а сорок процентов ушло бы Виктории. А теперь ты не получишь ничего, зато должна будешь оплатить потерянные ею 1400 долларов. Не хочешь работать – дело твое, но ты должна правильно оценивать ситуацию, там, за окном, может быть, и иначе, а у нас тут настоящая рыночная экономика. Которая, как

известно, базируется на деньгах. И отдавать их тебе придется, хочешь ли ты того или нет.

– И ты же уже достаточно знакома с этой системой. Долги тут возвращать умеют, так что если не захочешь работать, то придется расплачиваться имуществом. Насколько мне известно, ничего кроме квартиры у тебя нет, значит Виктории придется забрать у тебя квартиру.

– А если ты даже отдашь квартиру, что будет потом? Я знаком с твоими обстоятельствами, сюда ты попала из-за покалеченной мамы и у тебя есть еще приемный сын, которого тебе также надо содержать. Кроме как проституцией, необходимые деньги ты заработать не сможешь. Значит тебе придется рано или поздно к нам вернуться, но работать потом ты будешь в куда худших условиях. И без квартиры.

Речь громилы Таня выслушала, молча. Глаза ее становились все влажнее и влажнее, потом по щекам покатились отдельные слезы, но взгляда она так и не опустила. Наконец, молча мотнув головой, она еле слышно пробормотала: “Я все поняла”.

И после некоторого молчания добавила: “Я согласна пройти ваш, так называемый, ликбез”.

Громила весело кивнул головой

– Ну, вот и чудненько. Я так и знал, что ты умненькая девочка, умеющая правильно понимать правильные аргументы. Итак, приступаем к делу.

– Наше учебное заведение такое же, как и любое другое заведение по повышению профессиональной квалификации. У нас тут два учителя: первый это я, зовут меня Виталий, а вот тот Алексей – он указал пальцем на другого громилу.

– Точно так, как и во всех других учебных заведениях, у нас есть учебная программа. Программа эта очень напряженная, в ней множество предметов, по каждому будет проводиться экзамен и выставляться оценка. Мы очень печемся о своей репутации, допустимые оценки только 5 или 4+. Если оценка ниже, предмет придется проходить еще раз.

– С отстающими у нас та же самая проблема, что и везде. А поскольку наши требования очень высокие, то середнячков практически не бывает. Фактически наши ученицы всегда, либо стараются изо всех сил и максимально быстро проходят все предметы, либо отстают и тогда они повторяют, повторяют и повторяют.

– Правда, конечные результаты от этого не меняются – экзамены в конце концов успешно сдают, и те, и другие. После окончания курса и отличницы, и двоечницы все делают одинаково хорошо, вот правда, достигаются эти успехи за разное количество времени.

Таня уже больше не плакала. На лбу у нее выступил пот и, по-видимому, он был холодным, потому что ее трясло. Только сейчас до нее начал доходить характер и масштаб предстоящей «учебы». Громила этого, по-видимому, не заметил и весело продолжал.

– Нам очень важно, чтобы ты полностью сконцентрировалась на учебном процессе и детально выполняла все наши указания. Если указание дано, ты должна приступить к его выполнению немедленно, но у тебя есть альтернативная возможность немножко отсрочить его выполнение. Для этого тебе достаточно утвердительно мотнуть головой или сказать: «Да», тогда тебе дается еще 10 секунд на дополнительную концентрацию.

– В том случае, если ты говоришь: «Нет», либо говоришь: «Да» и не приступаешь к исполнению указания в течение 10 секунд или вообще ничего не говоришь и не приступаешь к исполнению указания в течение 5 секунд, тогда тебе засчитывается неуд. А это означает, что ты должна будешь затем исполнить заданное в двойном объеме. Если ты опять откажешься исполнять заданное, то объем задания увеличится еще в два раза. Ну, и так далее.

– Будь уверена, у нас есть возможность добиться от тебя выполнения любого нашего указания, не зависимо от того, будешь ли ты с этим согласна или нет.

Глядя на этих двоих, Таня не сомневалась в его словах. Она влипла по-настоящему! Теперь ее трясло еще больше. Громила наконец заметил ее состояние.

– Тебе, кажется, холодно, детка – участливо спросил он. – Ну, собственно, я тебе уже все объяснил.

Поднявшись со своего стула, громила подошел к ней и начал растирать ей спину. Руки у него были тяжелые, но действовал он ими очень уж осторожно, поэтому большого успеха его массаж не имел. А может он на успех и не рассчитывал. В любом случае, он довольно быстро прекратил незадавшийся массаж.

– Хочешь выпить?

– Да – стуча зубами, ответила она.

– Что? – спросил он, – вино, шампанское, водка, коньяк?

– Водка – ответила она.

– Сколько?

Она хотела стакан.

– Нет, так дело не пойдет. Мы ничего не имеем против немножко выпившей девочки, но пьяная шлюха нам тут точно не нужна. Максимум, что я тебе могу дать, это сто грамм. Зато будет бутерброд с черной икрой на закуску.

Таня не возражала, хотя ей было абсолютно все равно, с чем будет бутерброд. Лучше бы вообще никакого бутерброда, алкоголь подействовал бы лучше. Но они же тоже не дураки, поймут, что дама надеется вывести себя из рабочей кондиции, так что лучше не надо дополнительно испытывать судьбу.

Сначала громила сделал бутерброд. Достав из морозильника в баре пачку сливочного масла, он нарезал его тоненькими ломтиками, которые потом аккуратно разложил на приличном куске свежайшей французской булки, в заключение последовала икра, толстым слоем наваленная из плоской жестяной банки. В обычной жизни это было бы уникальное лакомство. А что теперь?

А теперь она уже больше ничего не знала, кроме того, что бутерброд надо было разжевать и проглотить. Хотела ли она его или нет, значения не имело, она зачем-то должна была это сделать.

– По крайней мере он вкусный, – подумала она.

У нее уже закрадывалось смутное подозрение, что этот бутерброд будет не последним из того, что ей придется сегодня глотать. Собственно, это было даже больше, чем подозрение. Особенно, учитывая тот способ удовлетворения клиента, из-за категорического отклонения которого, она сюда попала.

Водка понемногу действовала, дрожь стала слабее. Стоя перед баром, Таня разглядывала зал.

– А, черт, будь что будет – семь бед – один ответ, – подумала она. Потом ее внимание привлекла тройка мужиков, удобно устроившихся на диване.

– Что они тут делают? Они что, тоже будет преподавать? – она сделала упор на последнем слове.

– Нет, – ответил стоявший рядом громила. – В следующие несколько часов они будут зрителями. Знаешь, проститутка должна уметь обслуживать клиента в любых условиях. Иногда в помещении еще кто-то есть. Ты должна привыкнуть к тому, что пока один будет тебя ебать, другой или другие будут наблюдать за процессом. Это не должно тебе мешать. Профессионалка, а мы сделаем из тебя настоящую мастерицу своего дела, никогда не должна отвлекаться из-за незначительных мелочей. Ну, а потом они станут твоими первыми клиентами. Ты должна будешь их обслужить, и за это мы будем ставить тебе оценки. Они тебе за это заплатят. Правда немного – это учебный процесс, но тоже деньги. Максимальная сумма, которую платят учебные клиенты – 100 рублей. Вот Роман их уже заплатил. Он сможет требовать от тебя все. А с другими тебе придется договариваться отдельно.

Ее опять начало трясти. Еще немного и ее начнет рвать от этого ужаса. Она больше уже не могла стоять тут, пусть лучше начинают немедленно. – Чему быть, того не миновать!

В конце концов они же будут сейчас это делать для того, чтобы она потом лучше обслуживала клиентов. Отсюда логически следовало, что ей не дадут сдохнуть на этом проклятом ликбезе, и что ее жизнь продолжится после его окончания. Вот тогда у нее и будет время, чтобы во всем разобраться, а сейчас явно слишком много информации, еще немного и эта информация ее просто задушит. А поскольку, несмотря на весь ужас положения, жизнь свою Таня заканчивать еще не собиралась, то она была уже готова, причем готова даже на то, на что еще готова не была.

Громила ее состояние, по-видимому, понял и пошел к своему стулу. Уже сидя, он, молча, указал ей на место в паре метров от себя. Встав куда указано, она вопросительно посмотрела на него. Громила прокашлялся и сказал:

– Итак, начинаем! Мое первое указание:

– Улыбнись!

Она ожидала все, что угодно. Но это был садизм чистой воды!

Да, так оно и есть – она попала в руки бешеных садистов. Что они теперь с ней сделают? Но делать было нечего, и она начала улыбаться.

Получилось по-видимому отвратительно, поскольку громила тут же выставил свою оценку.

– Неуд, дорогая. Теперь тебе придется улыбаться в двойном размере. А если провалишься еще раз, то в четверном, ну и так далее.

Черт знает, что! Это было уже слишком!

Ситуация была настолько абсурдная, что ей вдруг стало смешно по-настоящему, и она дико расхохоталась. – А ведь и вправду было с чего.

Итак, берем маленькую любознательную девочку!

Добавляем десять лет усердной учебы и золотую медаль!

Добавляем победу на районной олимпиаде по химии в 9 классе!

Добавляем семь лет учебы в музыкальной школе, законченной на высшие оценки!

Добавляем три курса МВТУ, оконченных с отличием.

Добавляем отличное знание английского и немецкого!

Добавляем первый разряд по фехтованию!

И что тут у нас на выходе?

Правильно! – Законченная блядь, с незаконченным высшим образованием!

От смеха на глазах у Тани выступили слезы. А ними и первый успех в ее последнем учебном заведении. – Предмет был сдан на „отлично“!

Смех, правда, сразу прошел, когда она услышала второе указание. Она должна полностью раздеться, оставить можно было только туфли на высоком каблуке.

В общем-то к выполнению этого приказа она была уже готова, хотя стоило ее показное спокойствие дорого. Правда, голый ее видело уже целых трое мужчин, один из которых был гинеколог, но он увидел ее только тогда, когда она уже сидела на его кресле, а сама она раздевалась только перед Арменом. Но происходило это в плохо освещенном номере, да и вообще он на нее особо не смотрел, так как был весь в ожидании предстоящего траха. Тут же их было пятеро, и они с интересом ее рассматривали.

Но выхода не было. С деланным равнодушием кивнув головой, Таня начала неторопливо снимать свои вещи: сначала раздела блузку, следующими были туфли, за которыми последовали джинсы и все остальное. Уже без бюстгалтера, сняла носки, затем колготки. Снимать колготки вместе с трусами, как это обычно делалось дома, она не стала. То, что это не эстетично, было понятно даже ей, при ее совершенно рудиментарном представлении о сексуальности.

Уже полностью обнаженная, она одела туфли и выпрямившись в полный рост, решительно посмотрела прямо в глаза громиле.

Виталий он кажется, но это ведь все равно, как его зовут. – думала она. – Его можно назвать, к примеру, первым самцом, поскольку их тут целых пять. А можно еще короче – член номер один.

Да, конечно! Так будет точнее! Он именно член, – как она не поняла это раньше, конечно же, – он всегда был членом! Член не может быть сам по себе, он всегда куда-то входит. В первом классе он, конечно же, был членом отряда октябрят. Когда подрос, то стал членом пионерского отряда, потом членом комсомольской организации. Правда, она не знала, где он официально работает, но, конечно же, он теперь должен быть членом коммунистической партии. Кого еще кроме иностранцев обслуживает организованный Викторией бордель? – Членов партии, разумеется, причем высокопоставленных членов.

Из всего этого прямо-таки логически следовало, что тот, кто однажды стал членом, всегда потом будет искать то место, в которое он может войти. А как это место называется? Ну, конечно же, место это называется вагиной. – Она пока все еще стеснялась народного русского названия этого органа.

Наконец, все стало по своим местам. Октябрюта, пионеры, комсомольцы, коммунисты – это все просто члены соответствующих вагин, а это значит, что ей отводится очень почетная роль. Поскольку именно ее вагина станет следующей, после коммунистической партии, в которую войдет член, откликающийся на имя Виталий. Правда, не все здесь, конечно, члены коммунистической партии. Вот Роман он, скорее, член бандитской группировки, эта вагина нравилась Тане еще меньше, чем коммунистическая партия, но он тоже войдет в ее вагину, пусть и немного позже. А это значит, что она все сделала правильно, когда разделась. Независимо от того, хочется ли ей этого или нет, все присутствующие здесь члены скоро будут в ней, и она должна была быть готовой к такому повороту. А она, кстати, это кто? Она – это Таня, или она – это вагина?

Таня опять начала потихоньку смеяться.

– Секс – это жизнь! – сказал Виталий. – А жизнь – это радость! А радость вызывает смех. Это замечательно, что ты, детка, так радуешься в предвкушении процесса, но пора переходить к делу. Иди-ка сюда, моя дорогая.

Она послушно подошла.

– Поставь-ка эту ногу, – он показал на ее левую ногу, – на этот стульчик. – Его палец указывал на небольшую табуреточку, стоявшую справа от его стула.

Она неохотно выполнила указание после некоторого замешательства. Сведенные вместе ноги были последней линией обороны, но теперь и этой защиты больше не было. Впервые в своей жизни она была совершенно беззащитна.

Много позже, вспоминая это время, она придет к выводу, что женщиной она стала именно в этот момент, а вовсе не в тот субботний вечер с Арменом. С ним, так же, как и с Эдом, она зарабатывала деньги, а для этого надо было потрудиться точно так, как надо было потрудиться, чтобы заработать деньги, собирая грязную посуду в ресторане. Но ни один, ни другой, ее не брали – она делала все сама, руководствуясь при этом соображениями, не имевшими никакого отношения к сексу.

А ее сексуальная жизнь началась именно с этого приказа Виталия, заставившего ее впервые в жизни развести ноги вопреки собственному желанию. Эти несколько слов, небрежно брошенные ей, как кость собаке, раскрыли ее, как скорлупу спелого ореха. После чего все ее сопротивление было сломлено, как спина верблюда, перегруженная последней соломинкой.

– А теперь руки за спину, – скомандовал он.

– И держать их там, пока я не решу иначе!

Она выполнила его указание, и мгновением позже его правая рука уже была в ее промежности. В то время, как его левая держала ее за талию, пальцы правой удивительно нежно начали массировать ее половые губки и клитор. Затем он поднял левую руку и, приказав открыть рот, засунул туда свой указательный палец.

– Соси пальчик, детка. – Она тотчас подчинилась приказу, но, по-видимому, была недостаточно активна.

– Сильнее соси, –она стала сосать сильнее.

– Еще сильнее! – Теперь она старалась изо всех сил.

– И смотри мне в глаза. – Неотрывно глядя ему в глаза, она интенсивно сосала его палец, а внизу становилось все теплее и теплее. Однажды она немного задела палец зубами, Виталия это разозлило.

– Будь внимательна, – зло крикнул он, – еще раз проявишь зубки, будешь наказана.

Она не хотела быть наказанной и старалась, как умела. Ей стало жарко, что отвлекало от правильного выполнения обязанностей, которых было уже целых три, а скорее даже четыре. Первая – неотрывно смотреть в глаза Виталию. Вторая – максимально интенсивно сосать его палец, следя при этом, чтобы не задеть его зубами, что составляло ее третью обязанность. Последней обязанностью было удерживать руки за спиной. Чтобы они не соскользнули, она обхватила правой ладонью левое запястье. – Он же сказал, что ее руки должны быть за спиной – а она всегда была прилежной исполнительницей.

Наконец Виталий вытащил палец из ее рта, но только для того, чтобы засунуть туда сразу три мокрых пальца, которые до того ласкали ее промежность. Поняв, что надо делать, она начала усердно обсасывать их, слизывая свой собственный сок, а он внимательно наблюдал за ее усилиями и, по-видимому, остался доволен, потому что, поднявшись со стула и приказав сосать дальше, повел ее к софе.

Чтобы не потерять пальцы, ей пришлось бежать за его рукой, как собаке за куском колбасы, но с заданием она справилась. Остановившись перед софой, Виталий продолжил наблюдение за ее усилиями, но, по-видимому, счел их недостаточными. Во всяком случае, грубо взяв ее за волосы свободной рукой, он заявил не сулящим ничего хорошего тоном, что если она и дальше будет так халтурить, то экзамена ей не сдать. От обиды у Тани на глазах появились слезы, но все, что оставалось, это повинно мотнуть головой, точнее попытаться это сделать, поскольку зажатые волосы, не допускали более вольных движений. Боясь провалить данное ей задание, теперь она взялась за дело с такой энергией, что он предпочел за лучшее пальцы забрать.

– Вот теперь хорошо.

Потом Виталий показал на ковер перед софой: “Раком, быстро! “

Она тут же выполнила указание.

– Жопу поднять и так стоять!

Она замерла, как требовалась, а он сначала критически оценил ее позу, потом нагнулся и, взяв ее ноги выше колен, раздвинул их так, как ему показалось удобным. Затем выпрямился в полный рост и начал неторопливо расстегивать рубашку. Покончив с рубашкой, также неторопливо занялся штанами, за которыми последовали трусы.

Уже без одежды, он опустился на колени, взялся левой за ее талию, засунул средний и указательный пальцы другой руки между ее ног и снова продолжил массировать вагину. Это был, однако уже не тот массаж, что раньше. Тогда он просто ласкал ее губки и клитор, а теперь его пальцы уже проникали во влагалище, причем проникали глубоко. Его рука двигалась все быстрее и быстрее. Она начала стонать, потом кричать.

Теперь его рука двигалась с бешеной скоростью, ее сок уже не капал, он лился потоком, и движение руки Виталия разбрасывало его во все стороны. Очень скоро вся его грудь оказалась покрытой ее соком, а его рука все двигалась и двигалась. Наконец он перестал, вытащил руку из влагалища и взяв левой за ее волосы, силой повернул к себе, дав ей, для начала, вылизать свою правую ладонь.

Она уже знала, что делать, и сразу приступила к делу. Покончив с ладонью, перешла на пальцы, а когда один из них указал на его мокрую грудь, она тут же занялась ею, тщательно вылизывая все мокрые места. Потом она опять стояла раком, ее голова была прижата правой щекой к коврику, а во рту у нее снова были его пальцы, которые она с большим усердием сосала. Его немалых размеров член был совсем рядом, и она могла бы легко дотянуться до него губами, если бы он не держал ее голову. Но он держал, а так она бы, наверное, попыталась.

Тогда с последним клиентом, которому она отказала в оральном сексе, Таня и думать не могла, что когда-либо в ее голову придет такая абсурдная мысль, но

сейчас эта мысль уже находилась в ее голове, и она совершенно не могла понять, почему. Но долго эта мысль в голове не задерживалась, потому что она почувствовала, что в ее влагалище входит член.

Алексей, о котором она вообще успела забыть, решил наконец преступить к выполнению своих преподавательских обязанностей. Члена она не видела, размеров не знала, но чувствовала, что он большой, уж точно не меньше чем у Виталия. Но дело было даже не в этом, она была зажата мертвой хваткой, ее таз был прямо-таки расплюснут на ковре, а Алексей работал с бешеной скоростью, почти такой-же, как до того работали пальцы Виталия.

Таня стонала, потом начала орать в полный голос, ей было уже не до пальцев. Виталий прижимал ее голову к коврику, но больше никаких действий не предпринимал.

Сколько времени она орала Таня не знала. Возможно, это была всего одна минута, но, может быть, и все десять. Наконец Алексей остановился, она перестала орать и даже успела сделать пару вдохов. После чего Виталий отпустил ее голову и приказав открыть рот, засунул туда свой член.

Это было очень неожиданно, она еще даже не успела сориентироваться, но боязни орального секса у нее уже не было, его тщательно обсосанные пальцы уже сделали свое дело. Это было даже интересно, потому что член ничего общего с пальцами не имел.

Он был большой толстый, и хотел вглубь, туда, куда пальцы не заходили. Виталий цепко держал ее за волосы, его рука твердо фиксировала ее голову, а рот просто превратился в еще одно влагалище, но так далеко, как Виталий хотел, его член просто не заходил. Он упирался в ее глотку и дальше никуда. Она хотела ему помочь, ведь его желания уже успели стать для нее абсолютным законом, но просто не знала, как. Вытащив член, он давал ей отдышаться, потом засовывал его опять.

– Работай, детка, соси хуй, – снова и снова повторял он с каждой новой попыткой. Теперь она поняла, что то, что было у нее сейчас во рту, не было членом.

Во рту у нее был хуй, орган власти, в полном подчинении которого она находилась. Детородному органу во рту делать нечего, детей так не произведешь, а вот с хуем совсем другое дело. Хуй ебет, а кто ебет тот властвует. В очередной раз вытащив член (хуй) из ее рта, Виталий сказал: “А теперь, детка, давай по-взрослому “.

Надавив на спину и показав жестом, как она должна прогибаться, он опять засунул член в ее рот. Теперь член заходил дальше, но Виталий был и дальше недоволен результатом, заставляя ее заглатывать все глубже и глубже. Она честно старалась, но все портил рвотный рефлекс, из-за которого она каждый раз начинала мычать и упираться руками, после чего он ослаблял хватку.

Так повторилось несколько раз, что Виталия взбесило и после очередной неудачной попытки он довольно сильно отхлестал ее по обеим щекам, постоянно повторяя: “Я же говорил тебе, бери глубже, сука. Поняла, блядь? “

Таня поняла и когда его член в следующий раз оказался у нее во рту, она не только прогнулась, но также и из-за всех сил попыталась подавить рвотный рефлекс. Попытка оказалась удачной, рвать больше не хотелось, а его член заходил в её рот почти по самые яйца. А после того, как он его оттуда вытаскивал, вслед за ним тянулась очень густая и толстая слюнная нить, которую она брала на ладонь, откуда потом слизывала.

Так продолжалось несколько раз, пока Виталий не остался полностью доволен.

После чего за дело в ту же секунду взялся Алексей. Она уже и так стояла раком, но он, заставив ее прогнуться еще, тщательно намазал анус кремом, после чего начал трахать ее в зад. Начинал он медленно, постепенно вводя свой член в ее анус. Сначала было неприятно, даже больно, но потом появились совсем иные ощущения причем еще более сильные, чем при трахе в вагину. Таня опять начала кричать, потом охрипла от крика и просто рычала.

Анальный секс Алексей продолжил, лежа. Взяв ее за талию, он прижал ее к себе, медленно повернулся на бок, затем сел, продолжая прижимать ее к себе и, в заключение, лег на спину. Она была на нем, он держал ее за талию и сначала трахал ее в таком положении. Потом остановился и показал движениями рук, как она должна двигаться сама. Затем она послушно подпрыгивала на нем, опираясь ногами в пол, а он продолжал держать ее за талию, не давая

отклониться. Это тоже было интересно, но не так, как сначала.

Наконец он ее отпустил и приказал встать на колени. Встав перед ней в полный рост, он сначала трахал ее в рот, а она старательно заглатывала его член так же, как перед этим заглатывала член Виталия. Но потом, внезапно прервав трах и прокричав: "сейчас я буду кончать!", он начал сильно мастурбировать член, одновременно засовывая в рот его головку.

Если бы раньше ей клиент что-то подобное предложил, она бы уже давно убежала, но теперь ей было уже все равно. А если даже и не все равно, то это также было все равно, потому что тут ее мнения никто не спрашивал. Она делала тут только то, что ей приказывали, не смея и пошевелиться без приказа.

Наконец он кончил, и густая соленая сперма наполнила ей рот. Лучше бы она ее выплюнула, но пальцы Алексея уже крепко сжимали нос, и потому ей пришлось открыть рот шире и вдохнуть. Сперма еще оставалась во рту, поэтому зажав рукой ее горло, Алексей жестко потребовал: "глотай, сука".

Она проглотила сперму, но ей было приказано сосать дальше. Член Алексея уже уменьшился, теперь это был уже не хуй, а просто обычная писька, но она все сосала и сосала. И потому, сразу не разобралась в происходящем, услышав новое указание.

– А сейчас глоток шампанского, детка, – быстро проговорил Алексей, и она поняла, что он писает ей в рот. Произошло это очень быстро, и всё уже закончилось к тому времени, когда она сообразила, что происходит. Дышать при этом она не могла, потому что одна его ладонь была плотно прижата к ее рту, в то время как вторая рука опять сжимала горло. Пришлось проглотить мочу, но она сильно закашлялась.

Спокойно переждав ее кашель, он приказал сосать опять. Она больше не хотела этого делать, но получив довольно чувствительную пощечину, тут же снова занялась делом. Ее мнение тут было не интересно. Она была вещью, а вещи не говорят со своими хозяевами.

В этот раз Алексей предупредил ее заранее. Успев подготовиться, теперь она выпила «шампанское» сама. Он остался доволен. Затем, достал член из ее рта и продолжая дальше держать за волосы, отстранил ее голову.

Теперь ее рот стал писсуаром, перед которым он стоял и в который с удовольствием мочился. А она все глотала, глотала и глотала. Когда он закончил, она уже ничего не соображала. После чего ей тотчас же было дано новое задание.

– А теперь, детка, ты будешь вылизывать мне жопу.

Это было уже слишком! Таня боялась сказать: „Нет“, но и „Да“ она тоже не говорила. Она просто молчала. Подождав секунд 10, Алексей невозмутимо разъяснил ее ситуацию.

– Ты же знакома с правилами. В первый раз я прощаю, но если ты нарушишь их еще раз, то условия твоего задания будут усложнены.

Напоминания об условиях оказалось достаточно. Выбор был между плохим и еще худшим, и Таня очень тихо произнесла: «Да». Потом последовала инструкция.

– Главное при вылизывании это качество. После твоего языка все грязные места должны быть тщательно вылизаны и высосаны, а моя жопа должна быть мокрая от твоей слюны, как после душа.

Ее сознание было затуманено, ей трудно было понять, что же собственно он хочет, потому что пока он это говорил, Виталий продолжал активно работать с двумя другими ее отверстиями. Затем Алексей повернулся к ней задом и нагнулся.

На случай, если бы она попыталась удрать, левая Виталия уже прижимала ее голову к задку Алексея так, что губами она как раз упиралась в его анус. Другой рукой Виталий манипулировал игрушками – двумя стержнями причудливой формы, которые были вставлены ей в зад и влагалище.

К ее удивлению вылизывание не оказалась противным. Она была рабыней, а задача рабов состоит в удовлетворении прихотей своих хозяев. Если хозяева хотели, чтобы она слизывала их говно, что она могла против этого сделать. Да и говна особого там не было. Так, одни следы.

Манипулируя игрушками, Виталий одновременно нашептывал ей на ухо «а теперь лижи глубже», «а теперь вылизать тут», «а теперь ставь везде засосы», так что дел у нее оказалось по горло.

Постепенно она увлеклась, процесс возбуждал и требовал от нее абсолютного послушания, а она хотела быть все послушнее и послушнее. Ее язык прямо-таки вонзался в анус Алексея, которому это очень понравилась. У нее был оргазм и ей понадобилось время, чтобы отдышаться.

Потом Виталий и Алексей долго трахали ее вместе и по отдельности. У нее не было ни секунды передышки, она всегда была под чьим-то контролем и стала воплощением послушности. Они всегда кончали ей в рот и у нее было много оргазмов, в том числе и во время отсоса.

Она уже забыла кто, есть кто. Да и какая разница, оба были квадратные, и имели члены. Интересно, как будет называться такая система по правилам математики. – Двучлен четверной степени? Кубический двухуй? А может...?

Нет, правда, она не помнит, что такое она когда-либо учила в школе. А, может, это только здесь преподают?

Когда ее трахали раком, тот, кто ее имел, периодически останавливался и пару раз довольно сильно хлопал по ягодицам. Ей это нравилось, и она извивалась задом в ответ.

Она поняла смысл секса, который состоял в господстве и покорности.

Мужчина – господин, женщина – рабыня. Двигаясь в ее влагалище, его хуй говорит ей: ты моя, ты моя, ты моя.

Похлопывания по ягодицам знак похвалы: неплохая сучка, работай, работай.

Трах в попу значил почти тоже самое, но покруче.

– Ты моя вещь, сука, – кричит хуй. – Я тут тебя на себе вертеть буду, как мне захочется.

Глубокий минет рычит: "ты моя подстилка, я буду тебя иметь во все дыры и всеми способами и буду тобой подтираться. А ты, сучка, будешь глотать и наслаждаться."

У минета были свои знаки отличия: легкие пощечины, говорившие ей «хорошая соска, хорошая! Дальше так!». Вылизывание яиц было наградой, оно предоставлялась только в результате особых заслуг.

Потом они развлекались. Виталий и Алексей стояли на расстоянии три метра против друг друга. Один кричал: «Хуй вкусный!». Она бежала, вставала на колени и засасывала его член так глубоко, как только могла.

Следом за этим, другой кричал: «Жопа вкусная». Она бежала, опять вставала на колени и предельно глубоко засовывала язык в его анус. Руками пользоваться запрещалось. Если он был готов пойти ей навстречу, то наклонялся так, что ее язык легко пролазил. А если не хотел, то стоял прямо, и ей было тяжело просунуть язык. Но она очень старалась.

Потом тот, которому она только что лизала зад, кричал: «Яйца вкусные». Она вскакивала, обегала его, вставала на колени и тщательно, не жалея слюны, вылизывала ему яйца. И так много раз.

Она устала бегать!

В заключение был выпускной экзамен. Алексей пошел в туалет, а Виталий поставил ее раком, в ее анус и влагалище были вставлены и влагалище игрушки, которыми он манипулировал. Приказ подняться на колени Таня выполнила, хотя игрушки очень сильно мешали. Затем пришел Алексей, который как раз изволил покакать, а теперь она должна была вылизать его начисто. Условия были очень жесткие.

Ее руки были завязаны за спиной, а она должна вылизать и проглотить весь шоколад (так они называли говно). В случае нахождения следов шоколада на щеках, экзамен засчитан не будет. Во времени она не ограничивалась, и сама должна была сказать, когда закончит свою работу. Но если после этого на туалетной бумажке останутся хоть какие-то следы, экзамен придется повторять.

Запах она не чувствовала, она вообще ничего не чувствовала, знала только, что нужно во чтобы то ни стало, выполнить задание. Когда у нее заканчивалась слюна, она поворачивала голову, и Виталий глубоко трахал ее в рот, пока густая липкая слюна не начинала тянуться за его членом. Тогда она продолжала лизать дальше, смачивая этой слюной вылизываемые места.

Когда она уже начисто вылизала все вокруг и добралась до ануса, Виталий начал активно вертеть игрушками, одновременно вдавливая ее голову в зад Алексея. Ее мозг был полностью поглощен одной-единственной мыслью – как засунуть язык еще глубже! Она хотела съесть анус, она стремилась туда из-за всех сил, полностью забыв все остальное. Что делал Виталий она не знала, но потом у нее произошел сильный оргазм.

Этот экзамен она тоже сдала на "отлично". Они даже не провели заключительного теста с бумажкой.

Затем ей дали пять минут, чтобы помыться. Голову помыть за это время, естественно, не смогла, удалось только прополоскать рот и минуты полторы постоять под теплым душем. Когда она вышла, Виталий показал на клиентов: "А теперь их очередь".

Первым на обслуживание был Роман. Он заплатил полную сумму, поэтому она должна была делать все. Он, молча, показал ей на ковер перед собой.

Она была уже опытная – подошла к нему и, опустившись на колени, начала расстегивать его джинсы. Опустила вниз джинсы, потом занялась трусами. Снимая трусы, неосторожно зацепила резинкой его встававший член, он резко крикнул: "Осторожно, шлюха!"

Животный страх побитой собаки, сделал ее предельно внимательной. Очень осторожно, оттянув резинку, она сняла трусы и тут же взяла в рот его, пока еще не совсем твердый, член, который нежными движениями языка и губ, быстро довела до стальной твердости. Роман был сильный мужик, он просто успел перегореть за те три часа, которые тут провел, наблюдая за тем, как ее трахали. Член был липкий, по-видимому, он уже успел кончить в трусы, и она тщательно слизывала все, что на нем было.

Взяв ее за волосы, Роман начал жестко трахать ее в рот, засовывая свой пенис глубоко в ее горло. Его член был тоньше, чем у Виталия, но такой же длинный, и ей было легче проглатывать его во всю длину. Но все равно дыхания надолго не хватало, она задышалась, но он не обращал на это внимания, останавливаясь только тогда, когда она уже совсем не могла дышать.

Вслед за этим Таня полностью вылизала его ноги, начиная с пальцев и заканчивая яйцами, после чего он поставил ее раком и начал вводить член в ее анус. Кремом он не пользовался, у него был другой метод. Он просто вводил член чуть-чуть. Потом вытаскивал, и вводил его опять, в этот раз чуть глубже. И так много раз. На анусе постепенно появилась смазка, и ей уже не было больно. Трахал он ее очень жестко, она орала, что было сил, а после того, как он кончил, она должна была полностью обсосать его грязный член.

В заключение он отвел ее на свободное от ковра место, где с удовольствием на нее пописал, предупредив перед этим, что она будет наказана, если хоть одна капля пройдет мимо. Она очень старалась, глотая натуральное шампанское, остатки которого стекали по ее лицу и телу. После чего ей было дано ровно три минуты на то, чтобы помыться и вытереть насухо собравшуюся на полу лужу. Время Роман засекал по часам, делая все на бегу, она уложилась в 2 минуты и 52 секунды.

Затем она вылизывала его зад. В отличие от тех задов, которые она уже успела вылизать, этот был покрыт жесткими волосами. Это было противно, и ей не хватало возбуждения, чтобы скрыть отвращение. Внимательно наблюдавший за процессом Виталий начал интенсивно массировать ее вагину, возбуждение усилилось, чувство отвращения исчезло и она увлеченно обсасывала каждый волосок.

Когда Роману показалось достаточным, он дал ей снова пососать его член. Скоро вялый член опять превратился в твердый хуй, и он опять принялся ее трахать. Теперь он имел ее в классической, миссионерской, позе, твердо держа за волосы. Правой щекой она была прижата к коврику, подбородок был задран, а ее ничего не видящие глаза смотрели, куда-то в даль, туда, где потолок и стены сходились в покрытый паутиной угол. Кончил он ей в рот.

После короткого похода в душ Таня занялась обслуживанием второго клиента. Теперь у нее потребовали составление прейскуранта оказываемых ею услуг с расставленными расценками. – Все вместе должно было стоить 100 рублей.

Виталий оставил ей полную свободу в организации прейскуранта. Единственное ограничение было в том, что, одна услуга должна оцениваться в целое число червонцев – 10, 20, 30 и более рублей. Она никогда с таким не сталкивалась, не знала, как правильно все организовать, и поэтому она просто расставила расценки на отдельные услуги.

Желая избежать грязный секс, она потребовала за слизывание шоколада и выпивание натурального шампанского по 30 рублей. В результате оставалось еще пять услуг за сорок рублей. Пришлось соединить в одно простой трах в рот и отсос спермы.

Назвать услуги клиенту она должна была не на политкорректном нейтральном языке типа „классическая поза“, „анальный секс“ и т.д., а на хорошем русском. Так она все и перечислила.

Ебля в пизду – 10руб. Ебля в жопу – 10руб. Ебля в рот – 10руб, Вылизывание жопы – 10руб...

Клиент оказался смекалистым. Он выбрал еблю в рот и вылизывание жопы, что обошлось ему всего в два червонца. Интересно, сколько шлюх в Москве были бы готовы оказать такие услуги за эти деньги? Хотя ей самой это уже давно было все равно. После завершения обслуживания она опять помылась и сразу занялась третьим. Его она могла обслуживать, как ей хочется, а он должен был заплатить столько, сколько сочтет нужным.

Она больше не хотела орального секса, но как она могла предложить клиенту отыметь ее в вагину? С самого начала ликбеза ее голова практически не поднималась выше их пояса, и она боялась, что само желание, быть оттраханной тем же способом, которым имеют приличную девушку, будет принято за оскорбление. Клиент ее выгонит, как сделал этот проклятый немец, и ей не засчитают экзамена.

Поэтому она его обслужила, точно так, как и предыдущего. Клиент остался доволен, в результате чего она получила 60 рублей. Это было все же лучше, чем

20. На этом обслуживание клиентов закончилось.

Виталий объявил перерыв. Алексей занялся приготовлением бутербродов, а Таня пошла мыться в душ. На все ей было дано 20 минут, это было совсем немного, но она была счастлива и этим. В душе был фен и шампуни, и можно было помыться и отмыть волосы, на которых осталось много следов от спермы, а может и чего-то еще. А еще в душе висел красивый халат, по объяснению Виталия, специально приготовленный для нее.

Когда она вышла, бутерброды уже были готовы. Разумеется, черной икры там больше не было: обычная московская колбаса и эстонский сыр. Возбуждение, вызванное многочасовым сексом, постепенно спадало.

Спадать оно начало уже в душе, но там она была занята, а тут впервые стояла без дела. Ей стало нехорошо – вроде как хотелось есть, но когда она взяла бутерброд с колбасой, то смогла его только надкусить. В горло он не лез!

Особенно после того, как она вдруг вспомнила, что туда лезло каких-то полчаса назад. Весь ужас произошедшего начал постепенно доходить до нее, но происходило это как-то по частям, и ей все еще не удавалось склеить стройную картину. Сидящие рядом самцы в упор не замечали ее состояния, голые, как в бане, они с удовольствием пожирали бутерброды, запивая их цейлонским чаем, и что-то весело рассказывали друг другу.

Внезапно ей послышался голос. Он был какой-то необычный, и она все никак не могла понять откуда он доносится. Но потом ее осенило: – голос шел из тумана. Того самого, который был у нее в голове. От перенапряжения у нее явно происходило раздвоение личности и сейчас она разговаривала сама с собой. Таня постаралась успокоиться, но голос не унимался.

– Знаешь, какой вкусный он был, – говорил голос, – я чуть его не съела.

– С чего ты взяла, – не задумываясь, ответила Таня. – Он был отвратительным, я даже кусочка этого проклятого бутерброда прожевать не смогла.

– Бутерброд, – возмутился голос, – при чем тут бутерброд, я говорю о хуе. Он был восхитительный, я так старалась, еще чуть-чуть и я бы его полностью проглотила, но как-то не получилось. Ну ничего, это дело наживное, в следующий раз точно получится.

Туман рассеялся окончательно, и внезапно вся ужасная картина предстала перед ней во всем своем неприглядном виде.

– Дура недоебанная, – мысленно орала Таня, – ты понимаешь хоть, что ты тут натворила?

– Доебанная, доебанная, – спокойно отвечало ей ее второе я. – Я доебанная, сегодня мне вполне достаточно. И я всегда буду доебанной, а также сытой, обутой и одетой. Сама прекрасно знаешь, что любителей на меня всегда будет хоть пруд пруди. А вот ты дура недоделанная. Это уж точно.

– Вот, посмотри на себя получше, идиотка, – продолжала эта неизвестно откуда взявшая новая Танечка. – Ты всю жизнь училась, ты всегда была первой, и что это тебе дало?

– А ничего тебе это не дало, потому что, как недаром говорят, чтобы мало получить, надо много учиться.

– У тебя жених был, а как только у тебя проблемы начались, он тебя бросил. А почему? А потому, идиотка, что ты ему не дала, когда он хотел. Вот дала бы, так, может, и не бросил бы.

– А что вообще дала вся твоя кипучая деятельность? Что ты когда-либо смогла сделать практически? Ты в ресторане самостоятельно и одной недели проработать не смогла. За неделю два происшествия. И каких?

– Класс! Пошла деньги зарабатывать, а в результате еще и доплачивала.

– Единственный раз, когда ты хоть что-то заработала, это когда стала работать на Викторию. Ну тут дело понятненькое. Свеженькая симпатичная девочка со знанием языков, вот клиенты поначалу и кидались. А результат – два клиента – одна жалоба, а третий, так и вообще тебя в жопу выгнал.

– А как ты думаешь, дорогая, почему ты вообще оказалась здесь? Не потому ли, что меня у тебя не было? Я-то в отличие от тебя со всеми проблемами справлюсь, и мама у меня нужные лекарства получит, и Кирилл будет сытый и ухоженный. И будет у меня все хорошо.

– Тварь последняя – вопила Таня – А как я теперь людям в глаза смотреть буду. Ты об этом подумала?

– В глаза смотреть? – удивленно переспросила вторая Танечка – ты че, совсем рехнулась дорогая? В глаза смотреть надо мужчине, – продолжала она.

– Вот я смотрю ему в глаза и сразу вижу в какую позу мне стать, куда деть свои влажные губки, и куда засунуть мой розовый язычок. Я одному- второму- третьему... -десятому в глаза посмотрю, так они мне заплатят, а одиннадцатый и вообще влюбится, и замуж возьмет. И буду я жить-не тужить и добра наживать. А заведет кого-нибудь на стороне, гад, так я еще паре-тройке мужиков в глаза посмотрю. Сам, сука, потом прибежит и на коленях прощения молить будет.

– А ты-то, кому в глаза смотришь? Как только той бабе в бюро переводов в глаза посмотрела, так твоя работа там сразу закончилась. Мамаше этих долбанных близнецов в глаза посмотрела, она тебя тут же выгнала. Вале в глаза посмотрела, так и недели не понадобилось, чтобы обеднеть на шестьсот рублей. А уж когда ты этому немцу в глаза посмотреть решила, так Виктория тебя сюда отправила. На поумнение!

– А еще, ты тем ребятам с ножом в глаза смотрела, когда на спасение этой твоей недоделанной Дашки кинулась. А то, что эта самая Дашка, тебя теперь десятой дорогой обходит, ты случайно не заметила? Тоже мне, в глаза смотреть, – фыркнула вторая Танечка.

Виталий встал и громко объявил: «Продолжаем занятия. Следующий предмет – вербальное общение с клиентом».

Затем он попросил Таню сесть на один из стульев, которые теперь стояли перед диваном.

– Пошла вон, блядь, – послала Таня свое второе “Я”, направляясь к стулу. – Мне сейчас работать надо. А с тобой я потом разберусь.

– Ухожу- ухожу- ухожу, – ответила та. – Можешь спокойно работать дальше. Все равно тебе без меня никуда. Найдешь меня сама, когда понадобится. До скорой встречи.

Самое ужасное состояло в том, что блядь была права на все сто процентов!

И мама была права, когда пыталась покончить с собой. Понимала ведь, что Боливар не вынесет двоих. Ушла бы тогда мама, она бы уже завязала с этим ужасным занятием и нашла бы себе какую-нибудь работу. А потом как-нибудь добила два последних курса. А поскольку мама жива, то теперь уходить придется ей. Потому как эта шустрая обсасывательница писек и облизывательница попок справится куда лучше.

Она села на стул. А остальные разместились на диване и поставленных рядом стульях. Поставленное Виталием задание было простым: она должна была в течении 20 минут рассказывать присутствующим что-нибудь интересное. Какую-то определенную тему он не назвал, и она совершенно не представляла, что она должна говорить.

Ну, конечно же! Анекдот про внутренний голос. – Один к одному ее случай. Правда, анекдот был с матом, но тут-то, чего стесняться.

Поймали дикари белого. Привели к костру, посадили, а сами разжигают огонь. Белый сидит и думает:

– Ну, теперь мне пиздец!

Внутренний голос:

– Возьми камень и стукни вождя.

Белый взял камень и стукнул вождя. Внутренний голос:

– Ну, теперь тебе точно пиздец!

Анекдот понравился, потом она вспомнила еще и еще, но внутри становилось все хуже и хуже. Еще несколько часов назад она смеялась над «законченной блядью с незаконченным высшим образованием», но теперь, она внезапно поняла, что это действительно является ее единственной жизненной перспективой. Еще этим утром она была спасительницей. – Всё, что она делала исходило из высоких устремлений и чувства человеческого достоинства, а продажа своего тела за деньги было для нее что-то вроде мозоли на ступне – ходить мешает, ну, да, черт с ней, пару раз кремом помажешь и пройдет.

А теперь?

А теперь придется о высоких устремлениях навсегда забыть, но это еще, конечно, можно пережить. Люди всегда что-то хотят, но не всегда это у них получается. Но вот потерю человеческого достоинства она вряд ли переживет. А что может быть человеческого в грязной шлюхе, которую любой желающий может накормить своими экскрементами? Для этого ему у нее даже разрешения спрашивать не надо – пришел в кассу, расплатился, и получай красавицу со всеми ее дырочками. И пусть только она попробует отказаться от выполнения клиентского желания.

Они же ей четко объяснили, что отказ от определенного действия, приведет к его многократному повторению. Такой вот у них теперь договор: – сторона А обязуется не кормить говном сторону Б, которая, в ответ на этот беспрецедентный акт доброй воли, обязуется есть его сама.

Ее опять начинало трясти, уже в третий раз за сегодня.

Эти подонки здесь сделали из нее грязную шлюху, которую они теперь смогут очень успешно продавать, пока она не подхватит сифилис от очередного клиента. А потом они просто выгонят ее вон, и она останется сама, презираемая всеми проститутка, которая будет делать минет за стакан вина. Однажды на Казанском вокзале ей такую показали.

Внутренне содрогаясь от этой перспективы, Таня понимала, что еще чуть-чуть и она потеряет контроль над собой. Но нет! Она им уже доставила все мыслимые и немыслимые удовольствия, но этого они от нее не получают никогда. Спасаясь от охватившей все ее существо паники, она ринулась в единственное прибежище, которое у нее все еще оставалось.

Она вспомнила классику!

Неестественно громко и с абсолютно неподвижным лицом, она начала пересказывать первый бал Наташи Ростовой. Как Наташа стояла среди других девушек и беспокоилась, что никто ее не пригласит на первый танец. Как затем танцевала с князем Андреем. Как позже ее приглашали другие партнеры и какие чувства ее при этом одолевали. Спасение было там – в девятнадцатом веке. Тогда, когда честь еще что-то стоила!

Но она теперь живет в совершенно другие времена. Сегодня ее немножко пустили понырять в выгребной яме, и скоро она будет это делать опять. Но сейчас у нее перерыв, и ей, сидящей на краю этой ямы, разрешено немножко побалдеть от чужой радости из совершенно другого времени. И даже если у нее уже отобрали ее честь, она все же может, пусть и немножко, побыть с достойной женщиной, честь которой никто не отбирал. Таня с упоением пересказывала детали, она жила ими, она уже чувствовала себя Наташей только бы подальше убраться из этого ужасного мира...

Рассказ о Наташиных переживаниях был грубо прерван Виталием. Двадцать минут закончились, и пора было переходить к следующему пункту.

Возвращение на Землю было болезненным. Ее опять трясло, теперь уже сильнее, но Виталия это совершенно не тронуло. Наоборот, прекрасно видя ее развивающуюся истерику, он наслаждался этим зрелищем.

Он же садист и я это сразу поняла – с отчаянием думала Таня.

Его внезапный вопрос застал ее врасплох. Ему зачем-то понадобилось узнать, что, по ее мнению, он сейчас думает о ней? Сначала, она даже не поняла, что ему надо.

Что он о ней думает? А что он о ней может думать?

Утром к нему пришла красивая и гордая девушка, которую он со сотоварищами за эти несколько часов превратили в грязную, ко всему готовую, подстилку. Она думает, что он безусловно гордится своей высокопрофессиональной работой.

Виктория будет безусловно довольна, рот она теперь будет открывать исключительно для обсасывания и вылизывания. Она полагает, что клиентам это понравится.

И даже, если когда-нибудь, ей вдруг придет в голову дурацкая мысль, сказать что-то выходящее за пределы ее прямых сосательных и лизательных обязанностей, ее рот тут же будет заткнут первым же попавшимся членом. Все равно чьим, какой-нибудь, уж точно найдется.

Издевательская ухмылка исчезла с лица Виталия. Внезапно его лицо стало совершенно серьезным, он как-то, ей даже показалось что печально, вздохнул.

– А теперь детка послушай, что я думаю о тебе на самом деле.– Он говорил неторопливо, четко произнося каждое слово.

– Я вижу, что ты уже успела себя похоронить, моя дорогая. Но я полагаю, что тут ты немного поспешила. У меня и близко в голове нет тех глупостей, которые ты мне сейчас приписала. Та женщина, которая сейчас сидит передо мной – это мечта любого мужчины.

– Она сказка! Она чудо! Она просто супер!

– Детка, после того ужаса, который мы тут, так старательно для тебя организовали, у тебя все еще нашлось достаточно сил, чтобы смотреть нам прямо в глаза. Конечно мужики тебя будут крепко трахать, но в остальное время они будут тебя носить на руках. Я тебе это обещаю, моя дорогая. И стихи тебе еще будут посвящать, в этом я твердо уверен.

– Меня ты приводишь в полный восторг!

Она слышала его и совершенно не понимала происходящего. Ей казалось, что сейчас она подвергается еще одной, особенно изощренной форме издеательства, но Виталий не издевался.

Он взял ее за руку, и она вдруг поняла, что так нежно он к ней еще не прикасался. Да, пожалуй, так к ней еще никто никогда не прикасался. Затем он поднес ее руку к своим губам и начал целовать ладонь. Затем каждый палец в

отдельности. Вслед за этим он начал целовать ее запястье. После чего осторожно положил ее руку на место.

Она дальше ничего не понимала. Потом она услышала чей-то голос, сначала ей было даже неясно чей и для ответа на этот вопрос пришлось повернуть голову – голос принадлежал Алексею. До того она слышала от него только команды, которые он произносил бесцветным, тихим, голосом, и она знала его исключительно по брутальному сексу. У него оказался теплый, глубокий баритон.

– Ты классная девчонка, моя хорошая – сказал Алексей. – С тобой будет хорошо любому и они – он показал на остальную троицу – тебе это еще сами потом подтвердят. Ты просто сейчас нервничаешь, просто потому что еще плохо знакома с сексом. Но это дело поправимое.

Закончив свою короткую речь, Алексей стал на колени и начал целовать ее коленные чашечки, выглядывавшие из-под халата. При этом он легко покусывал колени зубами, каждое такое покусывание пронзало ее как электрическим током. Потом он медленно спустился губами по ее ноге ниже, снял босоножку (туфли на высоком каблуке она сняла еще во время секса, а эти босоножки нашла в душе) и начал ртом ласкать пальцы ее ног.

Это было приятно, особенно когда Алексей ласкал внутреннюю поверхность пальцев и всю ступню. Сняв с нее вторую босоножку, он затем проделал ту же процедуру с ее второй ступней двигаясь затем в обратном направлении от ступни к колену. Его действия возбуждали ее, мир уже не казался таким ужасным и, по крайней мере, в этот момент, ей стало почти комфортно. Затем Алексей поднялся, очень нежно, но твердо взял ее на руки, и осторожно понес к софе. Виталий следовал за ним.

Расстегнув халат, под которым ничего не было (Таня догадывалась, что секс еще не закончен и потому ничего не надевала), он начал ласкать ее плечи. Виталий присоединился.

Сначала они целовали все ее тело. Алексей ласкал ее груди, и она не могла сдерживать стоны, так умело он это делал. В это же время, Виталий переместился ниже, и лизал ее клитор и половые губы, немного помогая себе пальцами. Она начала стонать сильнее. Немного позже стон сменился криком.

Таня смутно видела, что к ним присоединился Роман, а затем и двое других, хотя им всем, здесь явно не хватало места. Она уже не думала, что они ее обманывают и понемногу начинала им верить. Их было много, они говорили ей хорошие слова, лаская ее при этом руками, губами и языками. И они вылизывали ее точно так, как до того она вылизывала их.

У нее началась истерика, она громко рыдала, а они слизывали ее слезы и опять говорили ей хорошие слова. Их слова, губы и языки, сдували и слизывали ее позор. Они возвращали ей, честь, которая, как она только что думала, была ею потеряна навсегда. Она наслаждалась их языками и губами и ей уже больше не было стыдно произошедшего. Хотя все еще страшно.

Потом была теория. Алексей куда-то ушел, но остальным было интересно послушать про основы секса, о которых рассказывал Виталий. В зале было тепло, мужчины, в чем мать родила, расселись на стульях, расставленных вокруг софы, а она, в таком же виде, сидела на ней поджав ноги.

Секс – начал рассказ Виталий – это не только половой акт. Секс – это все биологически обусловленные реакции организма, связанные с взаимодействием между полами. Простой взгляд мужчины на понравившуюся ему женщину и женщины на понравившегося ей мужчину это тоже секс.

– Цель секса состоит в создании благоприятных условий для размножения и выживания вида. К примеру, секс у богомоллов начинается с полового акта, в ходе которого происходит оплодотворение самки, которая после этого пожирает оплодотворившего ее самца. Ей нужен белок, для выращивания потомства, вот она его и пожирает. Процесс пожирания – есть часть их секса.

– У нижних животных, самки часто крупнее и сильнее самцов, так было, например, у динозавров, но у высших животных это соотношение меняется. Самка отвечает за потомство, самец за добычу и защиту.

– Секс есть часть общего процесса, связанного с потомством. У копытных, к примеру, самец оплодотворяет самку, после чего она может жить под его защитой, родить и выращивать потомство. У копытных есть свои телячьи нежности, корова может подойти к быку, и они будут тереться друг о друга, или лизать друг друга, это нужно для подтверждения и укрепления их связи. После

выращивания потомства они обычно расстаются, им просто нечего делать вместе и зиму они проводят каждый сам по себе. А весной все повторяется.

– Секс у человека куда более сложный чему у животных. Причина состоит в том, что человеческий детеныш, растет очень медленно. Бык и корова выращивают свое потомство, за 5-9 месяцев, а минимальный процесс взросления людей это 13-14 лет. Кроме того, детей должно быть много, значит нужно рассчитывать лет хотя бы на 20. Сложный секс необходим для обеспечения длительной связи.

– Характер человеческого секса определяется тем, что мужчина сильнее женщины, а кроме того он более независим. Если ему что не понравилось он может развернуться и уйти, женщина этого так просто сделать не может. А как может быть обеспечена прочная связь в таком случае?

– А только так, чтобы мужчина не мог жить без женщины. Если рассматривать вещи чисто логически, то женщина только обуза. Если мужчина имеет достаточно сил, чтобы защитить и прокормить семью, то не проще ли ему жить самому? Добывать можно меньше, да и защитить одного себя легче, чем всю семью.

– В современном обществе, многие именно так и живут, но человеческий секс происходит из совсем других жизненных реалий. Если бы люди раньше жили так, их бы сегодня просто не было. Более того, наверное, кто-нибудь из пралюдей так действительно жил, но и именно поэтому мы о них ничего не знаем – ведь они давно уже вымерли.

– Иными словами, до сегодня дожили только те подвиды человека, для которых нормальным является то, что мужчина не может жить без женщины. Об этом заботятся его сексуальные рефлексy.

– Но если бы природа сделала так, чтобы женщина не могла бы жить без мужчины по тем же самым причинам, по которым мужчина не может жить без женщины, то такой бы подвид человека тоже бы до настоящего времени не дожил. Они бы конечно трахались, но на этом бы все дело и кончалось. Это как раз то, что мы видим в сегодняшнем обществе – чем больше упор на сексуальный интерес и любовь в ее чистом, незамутненном жизненными реалиями виде, тем меньше рождаемость.

– Природа позаботилась так, чтобы женщине нужен был не мужчина, сам по себе, а добытчик и защитник. Исходные, незамутненные цивилизацией, отношения мужчины и женщины – это отношения купли-продажи. Женщина продает себя мужчине, за то, что он ее обеспечивает. Как не трудно понять, это ведет к отношениям господства-подчинения, которые являются наиболее стабильной формой отношений между двумя людьми.

– Мужчина добытчик и защитник, он глава семьи, а женщина выращивает детей и заботится о семье – она целиком подчиняется мужу. Это соотношение заложено биологически. Все случаи матриархата, женской эмансипации и так далее, это все поздние наслоения, первичным же является отношения между хозяином и рабыней, пусть и добровольной.

– Система сексуальных инстинктов это по сути биологически заложенные сватовство и брачный контракт. Сначала пара должна найти друг друга. Кто к кому подойдет первым значения не имеет, важно, чтобы оба сказали друг другу – ДА, они согласны иметь секс с партнером.

– Природе безразлично сколько времени они согласны провести вместе – всю жизнь или только одну ночь. Главное, чтобы они согласились. Если оба согласились, то их отношения могут развиваться далее вплоть до полового акта, но если один не согласен, то половой акт будет изнасилованием.

– То, что, жертвы насилия обычно женщины, а насильники мужчины, связано с тем, что власть в паре биологически predetermined мужчине. Нормальный порядок вещей, это когда руководитель подбирают себе подчиненных, а не наоборот. В противном случае это уже не руководитель.

– Обычный признак изнасилования – это отсутствия возбуждения женщины, во время полового акта. Это означает, что алгоритмы функционирования женского организма во время изнасилования, остаются теми же, что в обычной жизни. Это фундаментальная вещь поскольку в человеке заложены две различные программы функционирования организма. – Стандартная программа, определяющая его человеческое “Я”, и сексуально активная программа – его сексуальное “Я”.

– Сексуальное “Я” включается только в результате сексуального возбуждения, оно основано на системе врожденных рефлексов. В этой программе, мужчины и

женщины реагируют иначе чем в стандартной, в частности им могут нравится вещи, которые в стандартной программе вызывают отвращение.

– Сексуально возбужденный человек – это животное у него не только другие рефлексы, но и другие представления о жизни. В частности, у животных отсутствуют такие понятия как честь, позор или презрение, а люди, особенно образованные, часто считают нормальным в сексе то, что за его пределами сочтут недопустимым.

– Многие проблемы возникают именно тогда, когда категории, выработанные в рамках стандартного поведения, используются для оценки поведения сексуально возбужденных людей. Травма, наносимая женщинам во время изнасилования в значительной степени связана именно с тем, что в режиме человеческого “Я”, с ней совершаются действия, несовместимые с ним. Даже если женщина возбуждётся во время изнасилования, сам по себе факт изнасилования не исчезнет, поскольку всегда останутся компоненты человеческого “Я”, связанные с этим изнасилованием.

– Другое дело, что такие компоненты тоже могут исчезнуть. К примеру, если женщину начнет насиловать незнакомец, а процесс ей понравится. Потом он уйдет, а она себе скажет: он просто элементарный наглец, вместо того, чтобы сначала представиться и пригласить на коктейль, сразу перешел к делу.

– Мужская сексуальность примитивна. Мужчина должен хотеть всегда и всех, только тогда у женщины будет возможность выбора. Будь иначе, то большинство пар, просто бы никогда не встретились.

– В ходе полового акта мужчина получает удовлетворение от самого процесса, от умения и темперамента женщины и от степени доминирования. Женщина получает удовлетворение от процесса, от поведения мужчины, и степени подчинения. Максимальная женственность выражается в максимальном подчинении, а максимальная мужественность в максимальном доминировании.

– Если бы половой акт был неприятен, то люди бы давно вымерли. Но приятные ощущения в процессе полового акта это еще не все. Важнейшим является второй компонент – реакция партнера. Мужчина получает удовольствие от того что он берет, женщина от того что она дает, от того что она следует желаниям мужчины.

– Что касается умения, ты, Таня, многому уже научилась, остальное освоишь по ходу дела. Важнейшим является темперамент. Если женщина лежит как доска, это мужчину разочаровывает – женщина должна возбуждаться от действий мужчины. Возбуждением она демонстрирует свое восхищение им, а высшей степени восхищения является ее оргазм. Этим она говорит ему – я твоя, ты довел меня до этого!

– Что касается поведение мужчины, нежность означает – я ценю тебя, ты дорога мне. Грубость – ты моя вещь я распоряжаюсь тобой.

– В целом мужское удовлетворение усиливается если женщина удовлетворяется от максимально подчиненных положений, например, если у женщины происходит оргазм, когда он кончает ей в рот, удовлетворяет его больше, чем если он кончает ей во влагалище. Когда мужчина видит, что женщина с наслаждением сосет его член, или чувствует, как она балдеет, вылизывая его анус, он получает очень сильный кайф.

– Именно поэтому, моя милая Танечка, мы доводили тебя до оргазма, во время отсасывания и вылизывания. Как профессионалка, ты должна уметь быть максимально подчиненной, пусть даже это не часто требуется в реальной жизни.

– Максимальные пределы, до которых мужчины могут проявлять свою доминирование, а женщины выражать свое подчинение, определяются объективными обстоятельствами. Условно можно сказать, что можно все, что не наносит вреда здоровью, и не вызывает конфликт с правоохранительными органами. Но средние сексуальные отношения редко доходят до максимальных пределов. Для них решающими являются категории морали, которые используются для оценки допустимости сексуальных практик. – Ты, Таня, не уличная блядь. Твоя дело следовать желаниям клиента, а не своим.

– Причина сложности женского секса состоит в том, что женщина удовлетворяется от выполнения желаний мужчины, в то время как он удовлетворяется тем, что имеет ее. Такое распределение ролей биологически обусловлено, ведь секс для женщины – это расплата с мужчиной, в обмен на которую, он обязуется защищать ее и добывать пищу.

– Твои клиенты дают тебе деньги и немалые – они полностью выполняют свою мужскую обязанность, поэтому ты должна полностью выполнить свою, Ты должна полностью выразить свое полное восхищение ими в постели, ты должна с восторгом выполнить то, что они от тебя хотят. Настоящая женщина в постели всегда грязная шлюха, иначе она уже не настоящая.

– Мы из тебя сделали не просто настоящую женщину, мы сделали тут из тебя идеальную женщину. Таковую, которая может удовлетворить желания любого нормального мужчины. Ты, моя дорогая, теперь просто мужской идеал, бетонобойная секс-бомба, которая прошибет всех и вся к чертовой матери.

– Если общее поле сексуальных возможностей сравнить с бильярдным столом, то мужчина – это кий, а женщина бильярдный шар. Кий бьет шар. – Шар должен лететь точно туда куда его послал кий. Если кий послал его под углом 67.5 градуса, он и должен лететь под этим углом, а не под углом 75, или даже 68.

– Нормальные женщины, это очень плохо обработанные шары. Скорее они вообще не шары, они далеко не всегда катятся, куда их направляет кий, хотя нередко делают вид что катятся именно туда, например, симулируя оргазм. Но я уверен, что ты, моя дорогая, будешь идеально гладким шаром и всегда будешь следовать воле управляющего тобой кия.

– Что касается твоих мрачных мыслей, которые тебя одолевали после нашего основного занятия, то они совершенно необоснованные. В сексе нет моральных норм, такие нормы являются частью человеческого “Я”. Сексуальное “Я” это животное, моральные нормы ему незнакомы. Животные не стесняются позы раком, она у них стандартная, точно также они не стесняются вылизывания гениталий и ануса – посмотри на собак на улице.

– Свое человеческое достоинство ты должна защищать не отказом от каких-то практик по моральным соображениям, а адекватным поведением вне секса. Перед сексом, ты должна снимать свое человеческое достоинство как платье, когда секс закончится ты наденешь его снова.

Теория была предпоследним пунктом. Теперь, когда по словам Виталия, она уже знала, все, что положено, осталось только навести лоск. Да и ребятки были не

прочь еще разок развлечься с симпатичной, доступной девочкой. У которой как-то забыли спросить мнения, на этот счет, потому как профессионалка всегда должна быть готова к бою. Правда в этот была сделана и поблажка, заключающаяся в возможности, назвать те практики, которыми ей сейчас не хотелось заниматься. Более чем на сегодня, ей хватало выпитого «шампанского» и съеденного «шоколада», о чем она и заявила. Против остального она не возражала.

Потом ребята трахали ее на ковре, а Виталий, сидевший на стуле рядом, наблюдал за происходящим, давая, время от времени, необходимые указания. В основном она сосала, и Виталий смотрел, чтобы она все делала правильно. А еще объяснял, как правильно вести себя в разных позах. Было весело. Каждый комментировал процесс как умел. Она не отставала от мужчин.

Ребята прощались с ней очень тепло. Роман подошел первым, обнял за плечи, потом ободряюще произнес – Ты классная девочка и у тебя все будет хорошо. Если у тебя будут проблемы, быстро ко мне и все решим. – И немного помолчав, добавил. – Я видел многое, но не завидую тому, что тебе тут сегодня пришлось пережить.

Она не знала, что ему ответить, поэтому только молча улыбнулась в ответ. Двух других она вообще видела в первый раз. Один из них потрепал ее по щеке и сказал «держись малышка». Второй явно хотел ее воодушевить, показать, что, даже после того что она тут делала, он не относится к ней как низшему существу, а даже наоборот. Поэтому он подошел к ней и встав на колени, поцеловал ее руку.

Дворянские манеры он никогда не учил, получилось это у него совершенно не элегантно, но Таня была счастлива уже самим фактом, человеческого отношения к ней. Ведь еще пару часов назад она чувствовала себе последней скотиной, и вдруг, совершенно неожиданно для нее, выяснилось, ее еще считают за человека и вроде как даже уважают. Возможно уважение было показным, а может и нет. Этого она не знала, и совершенно не стремилась узнать. Сейчас, единственным ее спасением было верить в то, что она слышала и именно это она и делала.

В комнате оставался только Виталий.

Когда все ушли, Виталий сел на диван.

– Наши занятия закончены – объявил он. – И я больше не имею права тебя ничего заставлять, но мне будет приятно если ты придешь ко мне.

Не раздумывая ни секунды, она тут же подошла к Виталию и села к нему на колени, прижавшись щекой к его широкой груди. Его она больше не боялась, наоборот сейчас он был единственным человеком в мире, способным дать ей хоть какую-то надежду. Для сохранения душевного спокойствия ей конечно пришлось для начала попытаться забыть то, что он также был и тем, который сначала у нее эту надежду забрал. Но что ей было делать? У нее вообще больше никого не было, ни жениха, ни друзей, а он все же был первый кто дал ей хоть что-то. Он понял ее состояние.

– Знаешь малышка – сказал он. – Главное, что ты должна понять это то, что так просто ты с этим занятием не закончишь. У тебя долги, их надо отдавать, потом у тебя есть искалеченная мама и этот мальчик, на них нужны деньги, и немалые.

– А кроме того деньги нужны всегда, и даже если ты сейчас думаешь – вот заработаю какую-то там сумму и уйду, то, когда ты ее заработаешь, ты выяснишь, что тебе нужны деньги еще на что-то. Не говоря уже о том, что, однажды привыкнув жить хорошо, ты так просто от этого не откажешься.

Таня вздохнула, и прижалась к Виталию еще сильнее. Она и так уже понимала, что после сегодняшнего, ее жизнь уже никогда не будет такой, как раньше. Просто сейчас она получила еще одно доказательство.

– Ты должна понять детка, что сейчас ты абсолютно беззащитна. Тебя может трахать любой, у кого есть деньги или власть и твоим мнением, на этот счет, никто интересоваться не будет. Но кое какие возможности у тебя все же есть.

– Вот я тебя попросил сесть ко мне, и ты пришла и села. И мне приятно ощущать тебя, твой запах, тепло твоего тела, твою нежную кожу. Это и есть твое оружие детка. Они могут тебя трахнуть, но вот так прийти и так сесть, и так прижаться к мужчине можешь только ты сама. И, поверь мне, они будут счастливы, когда ты будешь это делать.

– Тебе вообще повезло, что ты ко мне попала – продолжил он.

– Ко мне первая попавшаяся не попадет. Такой, тут просто делать нечего. Большинство проституток без большого образования, представления о жизни у них очень примитивные, книг они не читают. А посему никаких проблем с обслуживанием клиентов у них нет, и быть не может. А если они чего-то-там не хотят, достаточно врезать им пару раз по печени и тогда они хотят все.

– Ты совсем другое дело. Ты девочка образованная, начитанная, с богатой внутренней жизнью и развитыми представлениями о добре и зле. Для таких как ты, реалии этой профессии часто оказываются невыносимыми, поэтому с вами приходится работать индивидуально. Но с другой стороны это имеет смысл потому, что стоите вы куда дороже дешевых бордельных шлюх. Ведь с такой как ты, можно не только в постель. Ты можешь сопровождать клиента на встречи и вечера, он просто может проводить с тобой время в разговорах на разные, интересные ему темы.

– Другое дело, что мало кто способен правильно подготовить такую девочку. Я вот могу, но стоят мои услуги дорого. За сегодняшнее мероприятие Виктории пришлось раскошелиться на приличную сумму, из которых, по условиям нашей договоренности, половину цены платит она. Вторая половина пойдет тебе в долг.

Это было уже слишком! – Ее тут жесточайшим образом трахали во все дыры, а сейчас предъявляют счет? За что счет? За слизанное говно и выпитую мочу. Ах да, еще и за проглоченную сперму. Сколько ее там всего было?

Резко подняв голову, Таня хотела соскочить с его колен, но успехом эта попытка не закончилась, Виталий держал ее мертвой хваткой и сопротивление было совершенно бесполезным. Отвернувшись и ничего не видя, она напряженно смотрела куда-то в угол.

– Успокойся, детка – спокойно продолжил он – ты еще просто не осознала всей своей ситуации.

– Ты еще очень наивная, моя дорогая. У тебя колоссальные шоры на глазах, и ты просто не замечаешь, что давно идешь по натянутому канату. Неверный шаг влево или вправо, и ты имела бы замечательные шансы очутиться на самом дне.

Тебе крупно повезло, что ты вообще очутилась здесь. – Говоря это он обвел комнату рукой.

– Виктория могла бы не захотеть платить и отдала бы тебя бандитам. Они бы там тебя избили как следует, и ты бы потом отсасывала всем желающим за небольшие деньги. Потому, как была бы уже некондиционная. В конце концов, за долги, Виктория забрала бы твою квартиру, и что, скажи, было бы потом с тобой и твоей мамой?

– А так ты тут, детка, и с тобой все будет хорошо. Это я тебе гарантирую.

Таня понемногу успокаивалась.

Он прав – думала она. – Если мне плохо сейчас, это вовсе не значит, что иначе мне было бы лучше. Скорее всего было бы гораздо хуже, я ведь именно так и думала, еще пару часов назад.

Она отвела взгляд от угла и теперь смотрела прямо перед собой. Платить деньги за жестокий трах во все дыры и считать, что так надо? Это была совершенно сюрреалистическая ситуация.

– Это какой-то сюрр – сказала она себе. – Слышишь! Ты! Это сюрр!

По-видимому, она сказала это вслух. Виталий никак не отреагировал хотя явно слышал ее слова. Краем глаза она смотрела на него. Такой громадный и грубый. Но с другой стороны, на удивление все понимающий, и тонкий. А что, ей лучше хотелось бы, чтобы на его месте был какой-нибудь громадный, грубый и ничего не понимающий? Воистину «Что имеем не храним»

Рассмеявшись, Таня опять прижалась щекой к его широкой груди. Мир есть такой как он есть, и она будет в нем жить. Теперь она уже знала, что у нее это получится. Просто не может не получиться – думала она.

Блядь была права – она действительно недоделанная дура. Отличница, ударница, умница, знающая два языка, фехтовальщица, пианистка, классно владеющая инструментом, честным трудом она едва могла заработать себе на хлеб переводами и репетиторством. Да, она много чего еще знала, но что ей это

давало?

Ей явно что-то не хватало, и она уже понимала, что именно. – Ей не хватало учителя.

А какой учитель может научить умницу, которая, сама могла бы преподавать своим сокурсникам, большинство из изучаемых ею в институте предметов? Такую отличницу, ударницу и умницу может чему-то научить только один единственный учитель.

Такую отличницу и умницу может научить только хуй!

Который находится у нее во рту!

Она стоит на коленях, хозяин крепко держит ее, за собранные в пучок волосы.

– Отличница – говорит хозяин и железной хваткой тянет ее голову к себе за волосы так, что его член проскальзывает ей в глотку. На момент он ослабляет хватку, и она тут же отбрасывает голову назад, едва успевая набрать воздух в легкие.

– Ударница – говорит хозяин и снова тянет ее за волосы.

– Умница – и все повторяется сначала.

Она понимает – хозяин учит ее жизни.

– Сука – говорит хозяин, и она старается из-за всех сил заглотить его твердый как сталь член, мечтая, чтобы ее губы наконец то смогли бы дотянуться до его яиц. Ей это почти удается.

– Хорошая сучка, хорошая – ласково говорит хозяин, вытаскивая член из ее рта и похлопывает ее по щекам. Она радостно извивается, стараясь вильнуть несуществующим хвостом.

Потом член возвращается обратно. Для хозяина, ее рот – это что-то, вроде презерватива, со специальным захватом сверху, чтобы было удобнее двигать его туда-сюда. Очень удобное приспособление для дочки. Без него, пришлось бы использовать руку, а потом еще осталась бы разбрызганная кругом липкая сперма.

Рот решает эту проблему. И конечно же он намного удобнее обычного презерватива. Использованные презервативы потом выбрасывают, а этот может использоваться многократно. А кроме того, он очень гигиеничен. Вся сперма аккуратно проглатывается, а после того, как ее губы тщательно обсосут член и старательно вылизут всю окружающую территорию, хозяину даже не придется мыться.

Но пока сперма еще не проглочена. Сперма – награда, а нельзя награждать того, кто еще не сделал свою работу. И она старается! Хозяин уже больше не двигает ее головой. Теперь, он просто трахает ее в рот, как во влагалище. Влагалище неподвижно, поскольку хозяин своей железной рукой по-прежнему держит ее за волосы. Работает хозяин молча, говорит только хуй.

– Ты блядь – говорит хуй.

– Ты подстилка – продолжает он.

– Ты использованный, многоразовый гондон – говорит хуй – и я сейчас использую тебя опять.

Она не спорит, потому что знает, что он прав. Он не может быть неправым – потому что он сильный, а сильный прав всегда. И сейчас он указывает ей на ее место. Раньше она никогда не думала, что это ее место и только теперь наконец это поняла. Ее место ей нравится. Она его заслужила. И ей очень нравится урок.

Вот только мешает, что все никак не удастся дотянуться до хозяйской мошонки, когда хуй залазит глубоко в гортань. Но она же отличница, она будет стараться и однажды это получится.

Хозяин почти закончил свою работу. Ее рот больше не справляется, поэтому он мастурбирует член рукой и наконец кончает. Она честно отработала и теперь награждена потоком спермы, которая льется в ее жадный рот. Она тут же

проглатывает все и тщательно слизывает остатки. Затем старательно обсасывает хуй, который на ее глазах превращается в маленькую письку и усердно вылизывает яйца. Урок заканчивается...

Хозяин куда-то делся. А вместе с ним и хуй.

Умницы тоже не видно. Наверное, ищет отличницу.

Но остался хорошо выученный урок. – И Деятельница.

Пантера!

«PPPPP!» – говорит пантера.

«PPPPPPPPPPPP!» – добавляет пантера.

Тане уютно! Ей так приятно прижиматься к Виталию, она трется щекой, о его широкую грудь.

Пантеры не выступают на олимпиадах. И на семинарах их тоже не видать. – Пантеры охотятся.

Она больше никогда не будет ни с кем спорить, она больше никогда не будет думать о высоких глупостях. – Она будет действовать!

Пантера никогда не торопится.

Пантера умеет точно просчитывать ходы.

Пантера моментально прыгает и никогда не промахивается.

Пантера хорошо вооружена.

Что тут у нас в запасе во части оружия? – Итак имеем, два языка, пианино, множество разных знаний в культуре, литературе, технике. А что еще?

Ну да, конечно! Вот оно тяжелое вооружение! – На первом месте разумеется вагина.

Затем идет рот. Рот – это не просто так, рот, это куда больше! Когда высокоумная, симпатичная дура не может получить информацию через глаза и уши, информация доходит к ней через рот. Так, как она сегодня дошла к Тане.

Ей вполне хватило этой порции. Больше ей не надо и теперь она может использовать рот для получения наслаждения. В том числе, и для наслаждения от еды.

Ее уже больше не возмущает то, что с нее возьмут деньги за сегодняшний секс. Она всегда была честной девушкой. Сейчас, она возмутились бы, если бы с нее денег не взяли. Потому что деньги берут за работу, тем более, за честно выполненную работу. А они выполнили свою работу честно. Теперь она доделанная. И уже больше не дура.

Знаешь малышка – сказал Виталий – Проституция страшная профессия, для множества женщин она заканчивается трагически, другие как-то существуют, но есть и такие, кому она дает очень большой жизненный шанс, который бы они никогда не получили без нее. Может быть тебе покажется это странным, но ты принадлежишь именно к представителям последней категории.

– Все, что тебе сейчас надо это, как следует подумать головой и не делать поспешных выводов. Я психолог, работаю индивидуально с каждой девочкой, и конечно же сначала составляю ее психологический портрет. Вчера у нас с Викторией состоялась длинная беседа, которая позволила мне сделать вполне определенные выводы о тебе и твоём характере. Все что она рассказала, свидетельствует о том, что ты исключительно приличная и честная девушка.

– Ты помогла маме, не взирая за цену, которую с тебя потребовали. И взяла к себе чужого ребенка, в момент, когда сама была в очень сложном положении.

– Твои неудачи с переводами и репетиторством были следствием твоей чрезмерной порядочности, очевидно привитой тебе в твоей семье, а твои успехи в учебе, свидетельствуют о высокоразвитом чувстве ответственности.

– Я уже не говорю о, так позабавившей Викторию, твоей попытке броситься на защиту этой неудачливой картежницы, о которой ты вообще ничего не знала и которую видела впервые.

– Пусть даже для тебя эта мысль сейчас будет дикой, но у тебя, моя дорогая, имеется возможность полностью сохранить себя, остаться точно такой же, как ты была раньше. Такой же доброй, такой же отзывчивой, такой же честной и всегда готовой всем помочь. Я совершенно не сомневаюсь, что такая девушка как ты, никогда и не думала о сексе без любви.

– Поэтому в самую первую очередь, тебе надо определиться как относится к своим клиентам. Одни проститутки их презирают, им нужны только деньги, но это точно не твой случай. Другие своих клиентов ненавидят, за то, что они им делают. Эта ненависть губительна, она делает их злыми, она губит их жизнь.

– Но, детка, есть и такие, которые своих клиентов любят. Ты не дешевая бордельная шлюха. Ты дорогая эскорт-девочка и сможешь достойно жить за получаемые от клиентов деньги. Поэтому ты должна быть благодарной им за это.

– В принципе они делают тоже самое, что делал бы твой любимый мужчина, который должен был бы обеспечивать тебя, если бы он на тебе женился. Но твои клиенты делают это куда лучше, чем он. Твой любимый может тебя предать, клиенты куда надежнее. Не придет один, придет другой. Да и денег платят они куда больше, чем заработает какой-нибудь кандидат наук или даже директор института.

– Если ты будешь любить своих клиентов, весь секс у тебя будет только по любви, а значит ты сможешь сохранить себя. Поэтому исключительно важно научиться любить своего будущего клиента, еще до того, как ты его увидишь. Если у тебя это получится, у тебя будет много любимых и, поверь мне, многие из них ответят тебе взаимностью.

– Но главное даже не в этом. Как я понимаю, ты хотела быть научным сотрудником, проектировать сложные технические устройства, которые приносят пользу людям. По сути ты идеалистка, ты всегда хочешь, чтобы всем было хорошо, чтобы на земле было больше добра. Так ты и дальше, должна остаться точно такой-же идеалисткой. Только теперь ты не просто будешь хотеть, что на земле было больше добра, но и сможешь реально увеличивать его количество.

– Клиент приходит к тебе со своими проблемами. Если ему будет с тобой хорошо, то он не только останется довольным, он также станет более терпимым к проблемам других. Пусть даже на короткое время, но это все равно важно. Ведь, твои клиенты люди с возможностями и от них зависят другие люди.

– Довольный клиент означает, что кто-то получит премию, кого-то не уволят с работы. Муж не накричит на жену, отец не побьет ребенка, а кто-то, так и просто станет лучше от твоего умения, доброты и отзывчивости. Ты не знакома с людьми, которым станет лучше благодаря тебе и никогда с ними не познакомишься, но, благодаря тебе, им станет лучше и это будет главная твоя награда. Награда, которая сделает лучше этот мир, пусть даже это улучшение удастся рассмотреть только под мощным микроскопом.

– Увеличение количества добра в мире и должно стать твоей главной целью, твоей миссией. Ты должна стать настоящим агентом добра и света. Для такой как ты, это вообще единственный выход в этой ситуации. – Иначе ты зачахнешь!

– Все, что тебе надо это тупо следовать своему женскому инстинкту обслуживания мужчины. Ты должна получать удовлетворение от его удовлетворения. Если клиент любит оральный секс, твой ротик должен быть всегда наготове. А если вдруг он захочет туда пописать, то ты быстренько изобразишь писсуар.

– Но ты же еще и эскорт. Если он хочет прогуляться по Москве, ты должна провести такую экскурсию, которую он надолго запомнит. В Третьяковке и других галереях, ты должна знать историю картин, в театре либретто опер, балетов и пьес. Ты должна играть на музыкальных инструментах, неплохо было бы петь, играть в шахматы и карты, а на приеме ты должна танцевать лучше всех.

– Если ты так будешь делать, то тогда у тебя совершенно не останется времени на то, чтобы падать вниз. Наоборот – ты будешь только подниматься.

– Исключительно важна правильная реакция на отрицательные эмоции клиента. Он может быть, чем то, раздражен, а тут, как раз, ты. Дай ему сорвать на себе злость. Тогда он успокоится, а значит ты опять победила. Если он тебя презирает – дай ему себя унизить, ему от этого станет легче. – Это будет еще одна твоя победа.

– Ты должна исполнять любые желания клиента, кроме тех, которые могут нанести ущерб твоему здоровью или привести к вмешательству правоохранительных органов.

– По поводу ущерба здоровью, слизывание небольшого количества «шоколада» проблем не составляет. А вот поедание большого куска этого продукта с тарелки, совершенно бесполезно, поскольку там много вредных бактерий.

– Кроме того, клиент не имеет право делать тебе больно, без твоего предварительного согласия. Мой совет, такого согласия никогда не давать. Мы не делали тут из тебя мазохистку, и ты никогда не должна стремиться туда. В основе мазохизма лежит желание наказать саму себя, но если ты будешь довольна тем, что ты будешь делать, то у тебя просто не будет повода себя наказывать.

– Сейчас, после нашего курса, ты войдешь во вкус и у тебя будет большое желание трахаться. У тебя будет достаточно клиентов, но, если их будет тебе не хватать, ты конечно можешь всегда посидеть в комнате ожидания Виктории и все будут довольны.

– Ну и конечно, тебе ни в коем случае нельзя увеличивать кайф за счет алкоголя и табака. И разумеется никаких наркотиков. – Это приказ, и будь уверена я найду способ проконтролировать его.

В комнате воцарилась молчание. Тесно прижавшись к Виталию, Таня осмысливала услышанное и оно, совершенно не вызывало восторга. Но разве был у нее какой-нибудь выбор сейчас, когда речь шла о выживании ее и ее маленькой семьи?

– А зачем ты это делаешь? Только из-за денег, или все же есть еще что-то?»

– Я мастер – ответил Виталий – А ты моя Галатея.

– А сколько было у тебя таких Галатей?

– Ты вроде как четырнадцатая – ответил он.

– А что стало с предыдущими?

– За одним исключением все они хорошо устроились. Пятеро вышли замуж за иностранцев, три нашли мужа среди наших. Четверо еще работают. Не повезло только одной Она оказалась психически неустойчивой, пила и однажды в состоянии опьянения напирималась каких-то таблеток. Откачать ее не смогли.

– А почему ты этим занялся? – задала Таня свой следующий вопрос.

Виталий тяжело вздохнул. Вид у него стал печальным.

– Я вырос на Урале в большом городе. У меня была старшая сестра, она с юных лет любила красиво погулять. Потом начала понемногу приторговывать собой, в основном для того, чтобы было за что хорошие тряпки и косметику купить.

– Родители с этим боролись, но тщетно. Денег у них особых не было, одевать ее, так как она хотела они не могли. А однажды она пошла в какую-то блатную компанию, там ей пообещали хорошо заплатить и назад уже не пришла. Они там, как водится, напились и стали ее трахать. Одному, что-то не понравилось, так он ее на месте прирезал. Зачем, он и сам этого не знал. Она и так на все готовая была.

– Ну может, минет не так хорошо сделала, как он хотел, кто его знает. Просто он был пьяный, у него был нож, а она беззащитна. Вот он ее и прирезал. У него там в милиции дружки были, так они его даже не арестовали. Замять все хотели. Но не успели.

– Я с детства очень сильный был. Мне только восемнадцать исполнилось в армию уходил через пару недель. Но я его еще до того, нашел и убил. А у отца в милиции тоже кое-какие связи были. Так что милиция потом оба убийства замяла.

– Далее служил в десантных войсках. После службы работал в спецорганах. Нас послали в Латинскую Америку. Там наши заинтересовались опытом бандитских картелей. Те содержали школы, готовившие молодых девочек для работы в дорогих борделях. У них я многому научился.

– Когда вернулся назад, проект прикрыли. Я учиться хотел и пошел в МГУ, на факультет психологии. Учился заочно шесть лет, за это время сменил место работы. А тут у меня хобби. Деньги неплохие зарабатываю. А главное девочкам помогаю.

– Ну не выношу я, когда здоровые мужики бьют слабых женщин. Женщины и так все сделают – им просто надо все объяснить и показать. Вот как мы тебе тут объяснили и показали. И ты теперь сама, по своей доброй воле, будешь все это делать. Так, что понимаешь теперь моя дорогая, от какой судьбы мы тут тебя спасли?

Поняла она или нет, Таня еще не знала, но вот впечатление от происходящего у нее уже сложилось. Она ощущала себя волчицей, в которую охотник только что стрелял, но почему-то промахнулся. Ей было плохо было в этом неуютном месте, и она хотела бы сбежать туда – по другую сторону флажков. Но там ее загрызли бы собаки, и добрались бы они до нее куда быстрее, чем в этом густом лесу ее найдет полуслепой охотник. А здесь при соблюдении осторожности, она все же могла выжить. По крайней мере, ей очень хотелось в это верить.

Потому, что пути назад уже не было.

Позже, она часто мысленно возвращалась к этим дням, главные события которых – ликбез и последующий разговор с Виталием, поцелуи ее первого, после ликбеза, клиента, ну и конечно же разговор с матерью, намертво врезались в ее память. Но затем память отказывала и вместо конкретных событий она видела, только отдельные клочки реальности, соединенные каким-то странным, потусторонним лифтом.

Всегда одна, она стояла в этом лифте, который с постоянным и громким свистом проваливался куда-то вниз. Лифт падал и падал, и она никогда не знала, сколько времени у него уходило до очередной остановки. В памяти остался только свист и постоянное ощущение падения. Иногда свист сменялся скрежетом тормозов, лифт останавливался, открывалась дверь, и она выходила в коридор. Как правило, в коридоре была только одна дверь.

Она звонила в дверь, ей всегда открывали, она заходила и обслуживала клиента. Если дверей в коридоре было две, то потом она звонила во вторую дверь. Если три, то за второй дверью следовала третья. Обслужив всех желающих, она возвращалась в лифт, который немедленно возобновлял свое бесконечное падение. Иногда лифт останавливался на станции метро, всегда напротив пустого вагона. Она садилась в него и поезд тут же начинал движение, останавливаясь всегда на ее родном Ленинском проспекте.

Выйдя из вагона, она сразу же попадала в реальную жизнь, начинавшуюся прямо на перроне – поднималась по эскалатору, потом пешком, не садясь на автобус, шла домой, а дома ходила гулять с Кириллом, разговаривала с мамой или просто спала. На работу она всегда уходила, через тот же лифт, входом в который, было большое зеркало в столовой. Рядом стоял телефон.

К зеркалу она подходила каждые десять, максимум пятнадцать, минут. Если она видела в зеркале себя, то знала, что еще не время. В этом случае, она поворачивалась и уходила в свою комнату. Но если ее в зеркале не было, значит время настало – тогда оставалось только сделать шаг вперед, прямо в зеркало, и она сразу же оказывалась в лифте, который тут же начинал свое падение.

Единственным развлечением того времени был регулярный поход в Ленинскую библиотеку. Сдав прочитанные книги и взяв другие, она шла оттуда напрямик на Красную Площадь, где всегда останавливалась на одном и том же месте – на тротуаре, как-раз напротив входа в Мавзолей. Добравшись до своего места, она больше ничего не делала, проводя следующие полчаса в полной неподвижности.

Однажды, ее там увидела институтская подруга Светка, к тому времени уже знавшая о ее новом занятии. Сначала Светка хотела подойти, но потом отказалась от этой затеи, подумав, что ее бывшая подруга вероятно ждет клиента. – Таня стояла очень прямо, на ее плече висела элегантная, и, по-видимому, весьма недешевая сумка, а взгляд был направлен куда-то в сторону

Спасской башни.

Но Таня никого не ждала. – Ее подлинное целью пребывания здесь, было простое наблюдение за происходящим на площади, точно также как это делает любой посетитель океанариума, застывший перед бронированным иллюминатором, демонстрирующему ему совершенно чужую и такую непонятную жизнь. Иллюминатора Светка не заметила, что было вовсе не удивительно. Как говаривал старик Гейне: – «человек видит только то, что он понимает». А что вообще могла понять Светка в Таниной жизни?

На Красной Площади всегда было многолюдно. Одни люди неторопливо прогуливались по ней, другие целеустремленно шли через нее по каким-то своим делам. Если Мавзолей был открыт, то добавлялась еще громадная очередь, тянувшаяся вдоль кремлевской стены с кладбищем и заканчивавшаяся где-то за историческим музеем. На первый взгляд, площадь казалась таким оживленным муравейником, но, на самом же деле, она была только его малюсенькой, хотя и исключительно важной частью. – Муравейником был весь СССР, а здесь располагалась вершина этой громадной муравьиной кучи.

Венчали вершину часы с кукушкой. Точнее, с кукушками. «Ку» говорила очередная кукушка, одетая в костюм правительственного ЗИЛа, выскакивавшая из ворот Спасской башни Кремля. «–Ку» отвечала ей другая кукушка в черной форме правительственной Газ-24, заезжавшая назад в Кремль.

Ку-ку, ку-ку, ку-ку куковали кукушки. Дзинь-дзинь, дзинь звякали часы. Беззвучно спешили муравьи. Все они и кукушка, и часы, и муравьи были частью муравейника, который жил по своим циклическим правилам сложного часового механизма.

Таня в этой жизни не участвовала. Она была чем-то, вроде личинки гусеницы, скинутой равнодушным ветром со своего листа и хотя она попала прямо в муравьиную кучу, проходящие мимо муравьи ее не замечали, точно также как она не замечала их.

Ничего удивительного в этом не было, ведь теперь они жили в разных мирах. Большинство проходящих были муравьями из этого муравейника. Другие происходили из соседних муравейников, а у вот нее вообще не было больше своего муравейника, потому как у личинок своих муравейников не бывает.

Но Таня все же не была личинкой. – Она была муравьиной, с правами личинки. Права выбирать муравьев, которые собираются ею лакомиться, у личинок нет. Как нет у них и права принимать участие в обсуждении этого вопроса. Ну и конечно же личинки делятся по сортам.

Личинкой третьего сорта, заинтересуется разве, что совсем голодный муравей. Совсем другое дело, первосортные личинки. Такие не только стоят дороже, у них еще имеется нематериальная ценность. Точно так, как и у других первосортных продуктов, например, у дорогих шницелей.

Дешевый шницель из столовки сразу сожрут, а если он окажется невкусным, то просто выбросят. А что, скажите, с ним еще делать?

Куда лучше будет шницель из кафе. Конечно он тоже может не получиться, но все же он лучше выглядит, красиво уложен и есть его куда приятнее. Хотя, по качеству, он может быть не будет сильно отличается от шницеля из столовки.

Совсем другое дело, шницель из первоклассного ресторана. Он иначе выглядит, его готовит квалифицированный повар из хорошего мяса и потому он конечно же вкуснее. Такой шницель не будут есть сразу, на него сначала полюбуются, понюхают, погладят ножом, размазывая хорошо приготовленный соус. И только потом, начнут медленно, с наслаждением, есть, тщательно пережевывая каждый маленький кусочек.

И даже если шницель окажется невкусным, посетитель ресторана так просто от него не откажется, подумав сперва, что, наверное, он просто не понял гениальной задумки повара, что, наверное, это ему только так кажется. Но даже отказавшись от шницеля, посетитель ресторана не сделает это с легким сердцем и без сожаления. Не подумав сначала о том, что шницель в принципе был бы очень даже ничего, но...

Но разумеется Таня не была шницелем и потому стоит признать некорректным любое подобное сравнение. Сравняться могут только сопоставимые сущности, а нематериальная цена какого-то там шницеля была совершенно несопоставима с нематериальной ценой Тани. И если внимательно разобраться в ее весьма специфической ситуации, то сам по себе напрашивается вывод, что куда более точным будет ее сравнение со звездой, ярко сияющей на вселенском небосклоне.

Хотя в данном случае, речь конечно шла об особой вселенной, пусть даже и выстроенной в полном соответствии с новейшими физическими теориями. Основу этой вселенной составляла спираль, соединявшая в единое целое плоские планеты, первая из которых характеризовалась некоей двумерной структурой, выглядевшая издалека как набор непонятных линий. При ближайшем рассмотрении, эти линии, однако, обретали смысл, образуя, в своей совокупности слово МЕНЮ.

Шницели располагались где-то в середине меню, рядом с бифштексами и эскалопами. На следующих страницах-планетах, можно было найти и более дорогие, а, следовательно, и более уважаемые вещи, типа котлет по-киевски или цыплёнка табака. Но все это конечно были самые заурядные деликатесы, а звезды Шницельной Вселенной располагались на самой последней странице в заголовке которой стояла гордая надпись: «ТОЛЬКО ПО ОСОБОМУ ЗАКАЗУ».

Начиналась страница самой дешевой звездой – яйцом, фаршированным красной икрой, заканчивалась самой дорогой, коими являлись белые трюфеля в сметане. Танино место было ближе к трюфелям, хотя она уступала по цене не только трюфелям, но также и стейку из эксклюзивного японского мяса и, приготовленному особым образом, лобстеру.

Ее пункт меню гласил:

Сука жареная под хреном, высшей категории. Сорт: Плати и Наслаждайся. Размер порции: длина 172см, нога 93см, габариты 93-63-94. Способ приготовления: – сука тщательно обжарена со всех сторон. Соусы и подливки: – В процессе употребления суку неплохо заливать шампанским. Особо пикантна сука с язычком, вымазанным шоколадом.

Нематериальная цена нашей героини прямо следовала из ее позиции в меню. Конечно же ее любили и уважали, куда больше чем шницель или даже яйца, фаршированные красной икрой. Но, с другой стороны, она вчистую проигрывала трюфелям и уступала, пусть и немного, примитивным лобстерам.

Как говорится се ля ви.

## Глава 4. Начало

Ночь после Ликбеза Таня провела у Виталия.

Она все еще оставалась возбужденной, и ее настроение менялось с минуты на минуту, подобно настроению только что прооперированного больного приходящего в себя после общего наркоза. В таких случаях, больному, обычно, полагается постельный режим, что Виталий ей и предложил.

Не колеблясь ни минуты, она позвонила маме и сказав, что остается у подруги и придет утром, поехала к Виталию, жившему в престижном доме в небольшом переулке, выходящем на Кутузовский проспект. Машину вел шофер, очевидно, его подчиненный.

Виталий был само обаяние. Приказав шоферу остановиться около какого-то ресторана, он купил ей громадный и очень дорогой букет роз, а дома был максимально предупредителен и ласков, постоянно давая понять, что предыдущая сексуальная сессия, опустившая ее ниже самого низкого из всех плинтусов, вовсе не лишила ее его человеческого уважения.

Она же ощущала свою полную зависимость от него. Он был единственной ее защитой от страшного мира снаружи, и она всячески пыталась это подчеркнуть это своим подчеркнуто подчиненным поведением в постели, полностью сконцентрировавшись на обсасывании и вылизывании его гениталий и ануса.

Утром Виталий сам отвез ее домой, и следующие два дня она провела дома, перечитывая книжки из книжного шкафа в столовой. Разговаривала очень мало, а когда мать спрашивала ее о чем-нибудь, то отделялась каким-нибудь, ничего не говорящим ответом.

Объяснив матери, что у нее все хорошо, Таня сразу же занялась чтением первой же попавшейся на глаза книжки, а ее единственным действием за эти два дня стала прогулка с Кириллом. Они отправились в садик рядом с домом, где Кирилл катался на горках, качелях и каруселях, а она продолжила чтение сидя на скамейке. А на третий день приехала машина и отвезла ее к первому ценителю.

Ценители были эстетамы, объединенными желанием, в числе самых первых ознакомиться с новыми шедеврами мастера. Они бы и сами с удовольствием приняли бы участие в работе ликбеза, но их высокое положение исключало это начисто. Друг друга они не знали, каждый связывался с Виталием самостоятельно.

О производстве очередной Галатеи, Виталий информировал в первую очередь их, и потом они оказывались в числе первых клиентов. Содержатели борделей, направившие девушку на обучение, не получали в этом случае ничего, поскольку та часть доходов проститутки, которая полагалась содержателю, шла прямым ходом к Виталию. Это всегда обговаривалось предварительно.

Особых проблем ценители содержателям не доставляли, поскольку между ними всегда был приличный временный интервал. Очередность между ними определялась жребием, который бросал сам Виталий, и первый по жребию, обычно, и был первым клиентом Галатеи после окончания ликбеза. К второму Галатея приходила через неделю, к третьему через две, а до четвертого дело доходило редко, поскольку к тому времени она, как правило, уже успевала полностью созреть. Благодаря недельному интервалу между ценителями, новорожденная всегда оставалась в хорошей форме, поскольку большинство обычных клиентов отличались от этих, как небо от земли.

Ценители трахали новорожденную Галатею, как сидорову козу, обильно кормили ее шоколадками и поили шампанским собственного приготовления, а потом приходили обычные клиенты, у которых и член-то не всегда, как следует, стоял. Тут было что сравнивать!

Неделю обычных клиентов для новорожденной обычно хватало. Поэтому второго и последующих ценителей она уже ожидала как праздник.

Перед тем, как отправиться к первому ценителю, Таня уже полностью разобралась в ситуации и не питала никаких иллюзий. Она была проститутка – а это позорное занятие.

Мало того, она еще сосет всем и каждому. Плати монету и мой ротик в твоём полном распоряжении. Конечно, большинство девчонок это делают. Но, по крайней мере, они делают это своим любимым, она же всем подряд. – Ещё один позор.

Но она не только сосет, она еще и вылизывает клиентские зады, причем за те же деньги. Это еще более позорно, но и это еще не все. Ведь есть же еще выпивание «шампанского» и вылизывание «шоколада».

В глазах большинства, она не просто шлюха, она падаль, в тюрьме таких называют чмо. Но даже это самое чмо, все же не обязательно получает удовольствия от процесса. А она получает – ниже ее уже просто никого нет и быть не может.

Но она ведь больше и не живет в обычном мире. Обычного мира больше нет. У нее теперь своя собственная вселенная, а она теперь не Таня Киселева, как еще три дня назад, а «сука жареная под хреном». – Она сама себя назвала так, в первый же день, когда вернулась от Виталия.

А можно еще сука позорная – Таня не скупилась на эпитеты, припомнив весь небольшой запас нехороших слов и выражений, о пополнении которого раньше никогда не заботилась. Но ничего, теперь она быстро восполнит запас. Теперь все! Теперь у нее настоящий писец, с которым она всегда будет жить.

Там на ликбезе, когда она послушно проделала весь набор запредельных гадостей, ей объяснили, что это все не позорно, а как раз наоборот. Что именно потому, что она это все делает, она суперженщина и мечта поэта. И она им поверила, потому что они ее не презирали. Даже Роман проявил перед ней уважение. Да, сначала они ее ужасно отымали. Но потом, ей ясно продемонстрировали, что они ее не презирают, а вовсе даже наоборот, они ее за это возводят на пьедестал. А как насчет других?

У нее ведь было множество якобы друзей. У ее родителей было множество якобы друзей. А когда пришла беда, никто из них даже пальцем не пошевелинул, а некоторые еще и навредили тайком. Правда, двое одолжили денег. Но потом один начал их досрочно забирать назад. А второму она деньги отдала так быстро, что он просто не успел этого сделать.

А вот Виталий по-настоящему помог. Ведь если бы не он, она точно сосала бы сейчас бандитам, и вообще неясно было бы, что будет с ней завтра. И было бы это завтра. А сейчас все будет ОК, она это уже точно знала, ощущая это всем своим существом. Она верила Виталию. Он не как другие, если ей нужна будет помощь, он придет и спасет. Придет, не думая не о чем. И спасет, даже с риском

для собственной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

----

Купить: <https://tellnovel.com/german-germanov/istoriya-lyubyaschey-zhenschiny-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)